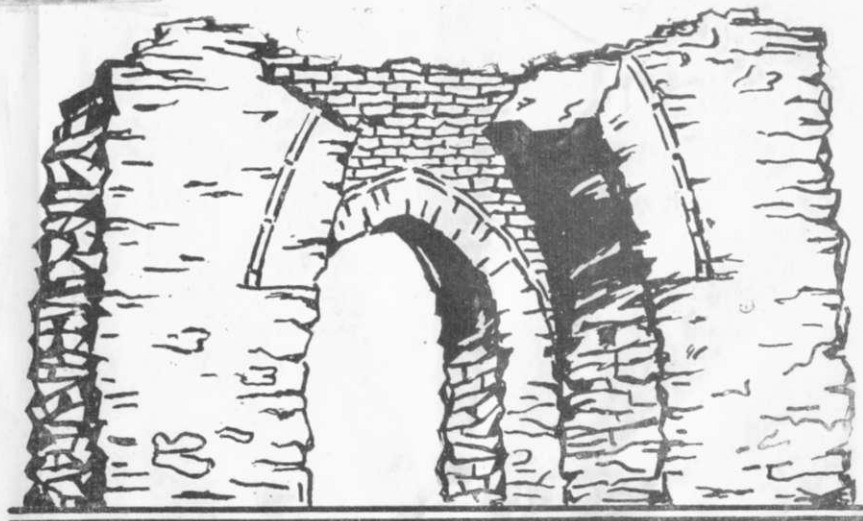

К 090
П-27

С. Я. Перегудова

Палу- Дарат

ФРУНЗЕ 1989

ИРБИС

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К $\frac{09}{127}$

С. Я. Перегудова

Мал- Рабат

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИТЕКТУРНО-
АРХЕСЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ФРУНЗЕ «ИЛИМ» 1989

Перегудова С. Я.

Таш-Рабат / Отв. ред. В. Д. Горячева; АН КиргССР, Ин-т истории. — Ф.: Илим, 1989. — 68 с.: Илл.
ISBN 5-8355-0192-7

Брошюра посвящена оригинальному, но малоизученному памятнику средневековой архитектуры Центрального Тянь-Шаня. Комплексное историко-архитектурное исследование привело к пересмотру даты его сооружения и новой трактовке функциональной принадлежности.

Автором анализируются сведения письменных источников о Таш-Рабате, данные археологического изучения здания, а также строительные приемы и архитектурные формы.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся памятниками средневекового зодчества Киргизстана.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
и принято РИСО
Академии наук Киргизской ССР

Ответственный редактор: канд. ист. наук В. Д. Горячева
Рецензенты: докт. искусств. Л. Ю. Маньковская
докт. ист. наук К. М. Байпаков

П 0504000000-256 9-89
М 453(11)-89

© Издательство «Илим», 1989 г.

ISBN 5-8355-0192-7

7084
ГБ Киргизской ССР
1990

ВВЕДЕНИЕ

Из истории изучения Таш-Рабата

В Центральном Тянь-Шане среди многочисленных археологических памятников полукочевого населения Киргизии находится архитектурное сооружение из камня, известное в научной литературе советского периода как караван-сарай XV в. — Таш-Рабат (рис. 1).

Здание расположено на высоте около 3500 м над ур. м. в западной оконечности Ат-Башинского горного массива, на берегу притока р. Кара-Коюн — извилистой речки Таш-Рабат. Здесь, в долине р. Кара-Коюн, проходил древний караванный путь, связывавший Семиречье и Фергану с Кашгаром¹. Политическое и торговое значение этой дороги отмечено для II—I вв. до н. э. и в I—II вв. н. э., затем она уступает свою роль северному пути. Только в первой четверти XIII в, когда из-за нашествия орд Чингисхана северный шашско-тюркский путь был закрыт для купцов, движение по старой дороге возобновилось². Памятник стоит особняком среди раннесредневековых поселений Тянь-Шаня. От ближайшего города-ставки тюркских каганов Атбаш (современный Кошой-Коргон) он удален на 66 км.

Таш-Рабату посвящена довольно обширная литература. Более чем за столетнюю историю его изучения высказано несколько, порой противоречащих друг другу, мнений о функции здания и времени его строительства.

Примечательно, что историко-архитектурная значимость Таш-Рабата и его уникальность отмечается как в первых упоминаниях — отчетах и докладах выдающихся русских путешественников и исследователей природы Центральной Азии, так и в статьях советских специалистов вплоть до настоящего времени. Поскольку история изучения памятника неоднократно излагалась в предшествующих публикациях о нем³, то в нашей мо-

¹ Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. — Соч. Т. II. Ч. 1 — М.: Восточная литература, 1963. С. 38.

² Караев О. К. Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. — Фрунзе: Илим, 1968. С. 68.

³ Бернштам А. Н. Таш-Рабат — караван-сарай XV в. // Архитектурные памятники Киргизии. — М.: Л., 1950. С. 109—116; Пугаченкова Г. А. О Таш-Рабате // Тр. ИЯЛИ КиргФАН ССР. Вып. III. — Фрунзе, 1952. С. 213—218; Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе: Кыргызстан, 1971. С. 42—47; Галицкий В. Я., Плоских В. М.

нографии приводятся только те сведения, которые имеют значение для характеристики здания...

Впервые краткая информация о Таш-Рабате дана ученым-просветителем Ч. Ч. Валихановым, возвращавшимся из Кашгарии в 1859 г. По его словам, постройку «рабата» приписывают бухарскому хану Абдулле. «По стилю, — пишет он, — Таш-Рабат принадлежит к лучшей архитектурной эпохе, чем теперь в Кашгаре. Азиатцы, склонные к суеверию, считают, что все то, что требует большого труда и искусства является чем-то сверхъестественным». Своё описание памятника он дополнил схематичным наброском плана и сообщением об «уважении к этому зданию и его строителю» населения и проезжающих⁴.

Об этом же пишет и путешественник А. Войцехович в заметке «Таш-Рабат», где приводит две легенды о нем. Согласно одной из них Таш-Рабат называется укреплением, построенным на границе древнего ханства одновременно с крепостью у г. Ош⁵.

В 1879 г. памятник осмотрел краевед А. М. Фетисов, отметивший вокруг множество свежих могил дунган, погибших во время массового бегства из Кашгарии зимою 1877 г. Со слов местных жителей («сартов») им записано, что Таш-Рабат «построен Абдулло-ханом 500 лет назад с благотворительной целью»⁶.

Более обстоятельные сведения о Таш-Рабате приводятся в 1886 г. энтузиаст исторического краеведения Н. Л. Зеланд, который впервые высказал предположение о размещении здесь буддийской или христианской общины. Он считал, что по архитектурному облику и характеру планировки здание не могло быть караван-сараем. В своих путевых записках исследователь приводит сообщение подполковника Волкова, который 15 годами раньше (в 1871 г.) видел на штукатурке стен «грубые фигуры трехглавого коня и пятиглавого дра-

кона» (чего, однако, не отметил Ч. Ч. Валиханов, упоминая об «арабесках» центрального зала. — С. П.). У местного населения, по наблюдениям Н. Л. Зеланда, сохранились о памятнике «самые противоречивые и неправдоподобные легенды»⁷. Его проводники, например, утверждали, что в здании Таш-Рабат похоронены «сарты и киргизы».

Не обошел вниманием Таш-Рабат и выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Не имея возможности лично обследовать памятник во время своей поездки по Средней Азии, он описывает его по рассказам очевидцев, фотоснимкам поручика Ковалева 1894 г. и плану здания, сделанному офицером Нарынского гарнизона Карнауховым. Сравнивая Таш-Рабат с Ахыр-Ташем, он ссылается на П. Лерха и Н. Л. Зеланда, которые оба эти здания рассматривали как древние монастыри. «Замечательно, — пишет он, — что киргизы рассказывают о Таш-Рабате такое же предание, как об Ахыр-Таше...» Однако, сообщая о деятельности могулистанского правителя XV в. Мухаммед-хана (умер в 1416 г.), в «Очерках истории Семиречья» В. В. Бартольд замечает, что ему приписывают постройку «знаменитого здания Таш-Рабат в местности, где впоследствии жили киргизы»⁸.

Наиболее подробным сообщением о памятнике в дореволюционное время является статья историка и краеведа Н. Н. Пантусова «Таш-Рабат»⁹, которая снабжена схематичным планом и разрезами, снятыми при помощи инструментов в 1888 г. подполковником из Нарынского укрепления К. А. Ларионовым. Им прочитаны оставленные на штукатурке посетительские «сартские» надписи, относящиеся к 1803, 1813, 1873 гг. Имея сведения о ранее найденном здесь несторианском кайраке¹⁰ и приводя местные легенды, Н. Н. Пантусов, как и ранее

К изучению Таш-Рабата // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе: Илим, 1982. С. 110—120; Иманкулов Д. Д. Из истории изучения Таш-Рабата // Памятники Киргизстана. — Фрунзе: Кыргызстан, С. 31—36.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник. Соч. Т. II. — А-Ата: АН КазССР, 1962. С. 192—194.

⁵ Войцехович А. Таш-Рабат // Киргизская степная газета. Особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским обл. вед., 1894. 9 янв. № 2. Отд. неофиц.

⁶ Фетисов А. М. Экскурсия в За-Нарынские горы в 1879 г. // Турк. ведом., 1881. № 31.

⁷ Зеланд Н. Л. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня // Пут. зап. — Омск, 1888. С. 22—27.

⁸ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894. — Соч. Т. IV. — М.: Восточная литература, 1966. С. 59—60; Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. С. 85; Бартольд В. В. Киргизы. Соч. Т. II. Ч. I. — М.: Восточная литература, 1963. С. 513.

⁹ Пантусов Н. Н. Таш-Рабат // ИИАК. Вып. 4, 1902. С. 15—23.

¹⁰ Рассуждая о назначении здания, Н. Н. Пантусов пишет: «Замонастырь признал эту местность и урмийский протоирей Мишак Абрамов, который в августе 1901 г. посетил Таш-Рабат. Он нашел здесь и надгробный камень с сирийской надписью».

Н. Л. Зеланд, признает за зданием значение христианского монастыря.

В 1940 г., спустя сорок лет со времени последнего обследования Таш-Рабата появляется новая публикация о нем, принадлежащая группе архитекторов из Киргизии (Г. А. Сутягину, М. Г. Полищуку, В. К. Змиевскому). Они провели архитектурный обмер памятника, сделали зарисовки и фотофиксацию его. По итогам работ в республиканской газете помещена заметка, в которой Таш-Рабат, без всякой аргументации определен как мечеть и остановочный пункт на трассе торгового пути, построенный при кашгарском хане Махмуд-Али в 1485—1505 гг., а также как некрополь или крепость, «где, возможно, совершались религиозные обряды»¹¹.

В 1946—1949 гг. во время разведочных экспедиций по Тянь-Шаню и Памиро-Алаю зидный исследователь истории и археологии Киргизии А. Н. Бернштам побывал в ущелье Таш-Рабат. В последовавших за этим публикациях он, ссылаясь на В. В. Бартольда, впервые отождествляет упомянутый в «Тарих-и Рашиди» рабат со зданием Таш-Рабат и, вводя термин «караван-сарай», считает его построенным в XV в. мастерами западного среднеазиатского происхождения. В архитектуре здания, в частности в купольных перекрытиях со световыми отверстиями в центре, по мнению Бернштама, отражено влияние кочевнической среды¹².

Большую статью посвящает Таш-Рабату и исследователю архитектуры и искусства Средней Азии Г. А. Пугаченкова. Объективно оценивая вклад предшественников в изучение памятника, она отметила неточности в имеющихся описаниях и характеристиках конструкций здания в работах Н. Н. Пантусова и А. Н. Бернштама, а также несостоятельность высказанных ранее предположений о назначении Таш-Рабата. Г. А. Пугаченкова относит здание к числу интереснейших памятников монументального зодчества Киргизстана и видит в его архитектуре наличие индо-афганской средневековой строительной традиции. По аналогии в характере конструкций и стилю кривых сводов с постройками

XV в. (медресе Улукбека в Бухаре и мавзолее Абдаллаха Ансари в Гузархане близ Герата) Таш-Рабат датирован ею XV в. Как и А. Н. Бернштам, Г. А. Пугаченкова усматривает идентичность Таш-Рабатской постройки с безымянным рабатом, описанным Мирзой Мухаммадом Хайдером в «Тарих-и Рашиди». Подчеркивая существенное отличие планировочного решения Таш-Рабата от традиционной схемы караван-сарая, вызванное по ее мнению, условиями сурового горного климата, Г. А. Пугаченкова считает памятник рабатом с мечетью¹³. В другом труде она указывает, что Таш-Рабат возведен в 1408—1415 гг. правителем Могулистана Мухаммед-ханом в конструктивных традициях кашгарского зодчества¹⁴.

Интересные сведения о Таш-Рабате приводит в своей неопубликованной монографии архитектор Б. Н. Засыпкин. Глава о Таш-Рабате написана по материалам А. Н. Бернштама и упомянутым архитектурным обмерам М. Г. Полищука, А. М. Сутягина и В. К. Змиевского¹⁵. По начертанию кривых арок, их пропорциям и системе сталактитов Б. Н. Засыпкин считает возможным отнести постройку к первой половине XV в., предположить участие в ее возведении мастеров из Самарканда.

Оспаривая интерпретацию Таш-Рабата как караван-сарая, Б. Н. Засыпкин считал, что возникновение здания было связано с завоеванием Ферганы в 1414 г. Улукбеком и предназначалось для временных остановок вооруженного конного отряда (численностью 40—45 человек). При этом купольный зал рассматривался как помещение для трапез, отправления религиозных обрядов или как мечеть (с михрабом в западной нише).

В 1960 г. в связи с намечавшимися работами по реставрации ряда известных средневековых памятников Киргизии Таш-Рабат изучается архитекторами Б. В. Чурлявым, В. Е. Нусовым и В. А. Голубевым. Впоследствии была опубликована подробная статья В. Е. Нусова в Трудах ФПИ и издана книга с описанием Таш-Рабата. Автор считает здание укрепленным

¹¹ Змиевский В. К. Таш-Рабат — архитектурный памятник // Сов. Киргизия, 1940. 28 июня. № 147. С. 4.

¹² Бернштам А. Н. Таш-Рабат — караван-сарай XV в. С. 109—116; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 100—103.

¹³ Пугаченкова Г. А. О Таш-Рабате... С. 217.

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии XV в. — Ташкент, 1976. С. 48.

¹⁵ Засыпкин Б. Н. Выдающиеся памятники архитектуры Киргизии. — Фрунзе. 1954; См: ЦГА УзССР, ф. 2406, оп. 163, л. 141—147.

пунктом для посольских связей Тимуридского государства с Китаем, а примененные при его возведении архитектурно-строительные приемы, формы стрельчатых арок и стиль декора близкими к архитектурной школе Самарканда XV в.¹⁶

Дважды, в 1972 и 1976 гг., к Таш-Рабату выезжала экспедиция Института истории АН Киргизской ССР для изучения посетительских надписей, оставленных на его стенах. Одна из них, датированная 1848 г., гласит, что некто (имя неразборчиво) в память о любимой жене заказал здесь чтение «хатми-корана»¹⁷. Как и первые исследователи Таш-Рабата, члены Киргизской историко-археологической экспедиции пришли к заключению, что памятник использовался верующими киргизами как почитаемое место: здесь совершались моления, поминки и погребения. При этом ими отмечено, что специально предназначенных для размещения скота и товаров помещений в здании не предусмотрено¹⁸.

Таш—Рабат в народной памяти

Такова характеристика памятника по архивным и литературным источникам. Из сообщений предшествующих исследователей известно, что Таш-Рабат считался у кочевников за «несомненное чудо» и расценивался как нечто «сверхъестественное»¹⁹. Необычный облик здания породил у окрестного населения множество легенд. Поверье, записанное Ч. Ч. Валихановым, А. Войцеховичем и В. К. Змиевским, о том, что количество комнат в здании меняется с каждым новым счетом, существует и поныне. Народные предания, записанные

¹⁶ Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с XIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции // Тр. ФГИИ. Фрунзе, 1968. Вып. 26. С. 13—19; Он же. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе: Кыргызстан, 1971. С. 42—47.

¹⁷ Плоских В. М. Научный отчет о полевых работах археолого-этнографической экспедиции в 1976 г. // Архив ИИ АН КиргССР, инв. № 631, с. 43—44 / Надписи прочитаны арабистом А. Б. Халидовым /.

¹⁸ Галицкий В. Я., Плоских В. М. К изучению Таш-Рабата // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе: Илим, 1982. С. 119.

¹⁹ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник... С. 193.

путешественниками, связывают его строительство с различными именами и событиями и, как было отмечено Н. Л. Зеландом, неправдоподобны и противоречивы.

По легенде, приведенной В. В. Бартольдом в «Очерках истории Семиречья», строителем здания считается могулистанский правитель XVI в. Абдулла-хан, а в его «Отчете о поездке в Среднюю Азию с научной целью», помещено предание, по которому Таш-Рабат является укреплением китайцев, «вторгшихся в эту местность со стороны Ак-Су». Против них была воздвигнута крепость Кошой-Коргон богатырем Кошоем, сподвижником легендарного Манаса²⁰.

Статья А. Войцеховича также доносит до нас две легенды²¹. Одна из них следующего содержания: «Давно, очень давно, жил некий хан, у которого было два сына. Сыновей хан своих одинаково любил и признавал умными и способными унаследовать управление ханством, но так как ему не хотелось разделять свое государство на две части, и он не знал, которому из сыновей отдать предпочтение, то решил испытать их, для чего, призвав к себе, объявил им следующее: «Дети мои! Я люблю вас рано и нахожу достойными управлять ханством, но я не хочу разделять свое государство, а потому вот вам мое решение: идите в разные стороны, поселитесь между своим народом и решите, что нужно для благоденствия и счастья своих подданных». Сыновья разъехались. Прошло достаточно времени. Старший, придя к мысли, что могущество государства заключается в вооруженной силе, начал строить крепости на границе ханства. Одну построил недалеко от города Оша, а другую — описываемый Таш-Рабат. Младший поступил иначе. Он находил, что того же можно достичь гораздо лучше развитием земледелия, торговли и промышленности, улучшением быта своих подданных и распространением грамотности среди них. Своими действиями он заслужил любовь своего народа; а вместе с тем и унаследовал ханский престол».

Вторая легенда повествует, что на жителей этой местности, прогневивших бога, было послано страшное наводнение, в котором погибло все население кроме

²⁰ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. С. 85; Бартольд В. В. Отчет о поездке... С. 59.

²¹ Войцехович А. Таш-Рабат...

двух благочестивых отца и сына. В благодарность за спасение отец решил построить в пустыне, неподалеку от города, большое здание в напоминание потомкам о божьей милости. Начавшееся строительство было прервано появлением прекрасной пэри, которая увлекла за собой сына.

Подобные предания приводятся также в работах А. М. Фетисова, В. В. Бартольда и Н. Н. Пантусова. Последний вместе с тем замечает: «Легенда эта опровергается тем, что судя по всем признакам, здание это существовало в совершенно оконченном виде долгое время»²². Еще две легенды из статьи Н. Н. Пантусова «Таш-Рабат» рассказывают о пришельцах «из Рима». В одном случае — это святые отец с сыном, незакончившие строительство замка, в другом — «религиозное братство».

«Назад тому много лет, когда кара-киргизы были еще не правоверными, а поклонялись огню, поливая его салом и совершая поклонение перед светильником, пришел в этот край из Рима, племени арабов, умный человек с людьми, ему по религии подчиненными, и все они исповедывали не ту религию, какая была у кара-киргизов. Как могучий батыр, он вместе со своими подданными и приступил к постройке необыкновенного здания, которое и было построено в короткое время; поселившись в нем, они стали учить народ, живший в этой местности, и давать приют нуждающимся; по прошествии долгого времени главный настоятель куда-то исчез, а остальные люди взяты в плен и уведены народом, надвигающимся в то время с запада на восток». Это предание Н. Н. Пантусов считал правдоподобным и предполагал, что в нем говорится о «пришельцах несториан», которые в Таш-Рабате основали монастырь²³.

В 1904 г. в «Заметках о древностях Семиреченской области» Н. Н. Пантусов со слов киргизов сообщает, что Таш-Рабат построил бухарский хан Абдылла во время похода против калмыков. Он прогнал калмыков с завоеванных земель Туркестана и, желая увековечить свое имя, по всему пути завоеваний «построил 1001 рабат: Таш-Такыр в Аулие-Атинском уезде, башни-бурана в Узгене и Токмике, Таш-Рабат в Ат-Башинском

участке и Кок-рабат в Кашгарской провинции». Спустя сто лет киргизы, вернувшиеся в Атбашинскую долину с ханом Урманом во главе, застали покинутый калмыками Кошой-Коргон. Крепостью этой воспользовался батыр Кошой, который был на службе у Аулие-Атинского хана Манаса и управлял киргизами от Таш-Рабата до р. Текеса. Около Таш-Рабата им был выставлен передовой караульный пост против калмыков, находящихся по ту сторону Тянь-Шанского хребта. Измена жены Кошой, которая передала известие врагу о малочисленности киргизского войска, способствовала взятию крепости Кошой-Коргон копальскими военачальниками Джолоем и Конурбаем²⁴.

Таким образом, как уже было замечено А. Н. Бернштамом²⁵, в народной памяти возникновение Таш-Рабата, в отличие от рядом расположенного Кошой-Коргона (городище Атбаш), не связывается с деятельностью местного населения. Причину противоречивости рассказов о средневековых постройках в бассейне р. Нарын В. В. Бартольд видит в отсутствии сведений о киргизах в этой местности до «Тарих-и Рашиди»²⁶. Согласно китайской рукописи 1770 г. «Сикой чжи», киргизы «спасаясь от беспорядков» появились в горах Тянь-Шаня в середине XV в.²⁷.

Рабат в рукописи Мирзы Мухаммада Хайдера «Тарих-и Рашиди»

Отмечая древность Таш-Рабата, русские путешественники воздерживались от определения возраста памятника и от категоричных суждений о причинах его возникновения. Называя здание рабатом, Ч. Ч. Валиханов, В. В. Бартольд и А. М. Фетисов не высказывали собственный взгляд на его первоначальную функцию, а употребляли общепринятое определение, составляющее название памятника. Именно результатом критического переосмысления типологической принадлежно-

²⁴ Пантусов Н. Н. Заметки о древностях Семиреченской области // ИИАК, СПб, 1904, Вып. 12. С. 69—71.

²⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки... С. 103.

²⁶ Бартольд В. В. Отчет о поездке. С. 59—60.

²⁷ См.: История Киргизской ССР (с древнейших времен до середины XIX в.). Т. I. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984. Гл. VIII. С. 431.

²² Пантусов Н. Н. Таш-Рабат... С. 21.

²³ Там же.

сти здания явилось то, что несмотря на собственный перевод с тюркского языка слова «рабат» как караван-сарай, Н. Н. Пантусов разделил мнение Н. Л. Зеланда о культовом характере постройки.

На датировку и определение функции памятника советскими исследователями заметно повлияло описание в «Тарих-и Рашиди» безымянного рабата, построенного правителем Могулистана Мухаммед-ханом (1408—1416 гг.), которое до сих пор считается первым упоминанием о Таш-Рабате²⁸. Этим объясняется, по-видимому, отнесение (порой бездоказательно) здания к типу караван-сарая XV в. Для объективности оценки приводимых в литературе сопоставлений, ниже приводим отрывок из «Тарих-и Рашиди»: «Мухаммед-хан выстроил рабат на северной стороне теснины Чатыр-Куля. В конструкции этого здания он употребил крупные камни, подобные тем, которые можно лишь видеть в иморатах Кашмира. Тот рабат имеет шесть дверей по двадцать гязов высоты. Когда войдешь в его ворота, направо — коридор примерно в тридцать гязов. Там сделан купол в двадцать гязов высоты, весьма красивый. Под перекрытием арки — проход. На западном краю его (рабата) сооружена мечеть примерно в пятнадцать гязов. По всем сторонам ее более двадцати дверей. Все эти сооружения сделаны целиком из камня. А над воротами громадные каменные глыбы, которые меня очень поражали до того, как я увидел кашмирские здания»²⁹.

Кажущееся на первый взгляд сходство этого рабата с Тянь-Шаньским памятником сделало возможным их отождествление. Однако при детальном сравнении построек, оно оказывается неверным. Так, рабат Мухаммед-хана «имеет шесть дверей по двадцать гязов», в здании Таш-Рабат — только один вход. Далее Хайдер пишет: «Когда войдешь в его ворота, направо — коридор... Там сделан купол в двадцать гязов высоты...» Но в памятнике Таш-Рабат не один, а два боковых коридора — направо и налево от входа, которые ведут в десять небольших купольных помещений. Вход же в высокий зал («купол») находится на одной оси с порталом арки. Если сопоставить размеры обоих рабатов, то получается следующее. При гязе, который

в XV в. колеблется от 60 до 80 см, высота каждой из шести «дверей» в Таш-Рабате должна была бы достигать 12—16 м, в действительности же самый высокий наружный вход до стрелки арки имеет только 4,2 м, остальные — не превышают 1,7 м. Длина коридора «направо от входа», упомянутого в рукописи рабата, 18—24 м, в Таш-Рабате протяженность боковых коридоров по 11,65 м. Лишь две величины — высота «купола в 20 гязов» (12—16 м) и длина (?) «мечети» в 15 гязов (9—12 м) — приближены к размерам квадратного зала, стены которого в плане равны 9 м, а высота до зенита самого крупного, но частично разрушенного центрального купола по графической реконструкции приведенной ниже — 12,85 м. Однако «купол» рабата и мечеть «на западном краю его» описаны, как два различных объема, и представляются нам отдельными сооружениями, а не совмещенными в одном квадратном зале. Кроме того, наш памятник находится не в «теснине Чатыр-Куля», а отделен от нее горным хребтом. Путь от здания к озеру длиной в 35 верст (более 37 км), по сведениям Ч. Ч. Валиханова³⁰, лежит через перевал Таш-Рабат.

Следовательно, в «Тарих-и Рашиди» речь идет о другой постройке — рабате с большим периметром стен, включающем шесть высоких входов, и обширным двором (может быть, и не одним), с отдельно стоящими мечетью и мехмонханой, окруженной худжрами. На карте «Маршрутов археологических экспедиций 1944—1945 гг.» в долине озера Чатыр-Куль, на северном склоне горного хребта Торугарт А. Н. Бернштам указал два необследованных памятника³¹. Возможно, сведения Мирзы Мухаммада Хайдера относятся к одному из них.

Известия о каменном рабате в Атбашах, построенном Мухаммед-ханом, сыном Хызоходжи-хана, «еще до того, как мырза Улукбек заложил свою обсерваторию» имеется также в «Хронике» Шах-Махмуд Чура-са. Однако О. Ф. Акимовский в комментариях, сопровождающих перевод источника, указывает, что это описание рабата заимствовано из рукописи Мухаммада-

³⁰ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник... С. 191.

³¹ Бернштам А. Н. Из итогов археологических работ на Центральном Тянь-Шане и Памиро-Алае // КСИИМК, 1949. Вып. XXVIII. С. 65.

²⁸ Галицкий В. Я., Плоских В. М. К изучению Таш-Рабата... С. 111, Иманкулов Д. Д. Из истории изучения Таш-Рабата... С. 31.

²⁹ История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе: Кыргызстан, 1968. С. 222—223.

Хайдера «Тарих-и Рашиди» и с «изрядными сокращениями»³².

Таким образом, в двух средневековых источниках речь идет об одной и той же постройке, которая, на наш взгляд, не соответствует Таш-Рабату. Из сказанного можно также заметить, что многое в опубликованных материалах о памятнике спорно и неясно. Дискуссионными являются два принципиально важных вопроса: первоначальное назначение объекта и дата его строительства. Предложения, высказанные ранее относительно возникновения постройки, не могут быть приняты безоговорочно, т. к. не подкреплены данными археологических исследований, и носят гипотетический характер. До сих пор все сообщения о Таш-Рабате были сделаны на основании визуального изучения, упрощенных обмеров или по материалам предшествующих исследований. Прилагаемые к текстам иллюстрации зачастую схематичны (например, путевой набросок Ч. Ч. Валиханова), или содержат ряд неточностей (планы здания, представленные Н. Н. Пантусовым, В. К. Змиевским и В. Е. Нусовым). Это объясняется тем, что завалы внутри сооружения не давали возможности составить правильное представление о нем.

Систематическое археологическое исследование Таш-Рабата началось с 1978 г., когда, по решению Министерства культуры Киргизской ССР, памятник готовился к реставрации. Тогда работники Специальной научно-реставрационной производственной мастерской (Б. В. Помаскин, Е. В. Фролов и С. Я. Перегудова) при участии археолога Института истории АН Киргизской ССР М. К. Кубатбекова приступили к его архитектурно-археологическому изучению. В 1979 г. экспедицией СНРПМ, к которой присоединились еще два архитектора (С. С. Меркулова и С. А. Курочкина) были закончены архитектурно-археологические обмеры здания, расчистка его помещений, а также сделаны стратиграфические разрезы вдоль фасадов. Изучение Таш-Рабата завершилось в 1980 г. археологическими работами на территории памятника, целью которых было выявление синхронных ему построек и обследование

примыкающего могильника. Специальное архитектурно-археологическое обследование Таш-Рабата, проведенное за три полевых сезона, дало возможность ставить вопрос о пересмотре утвердившихся взглядов на возраст и назначение постройки.

Часть наблюдений по итогам полевых исследований 1979 г.³³ доложена на региональной конференции в 1980 г. в г. Ташкенте³⁴, нашла отражение в материалах Всесоюзной конференции «Культура и искусство Киргизии» в 1983 г.³⁵ и опубликована в обобщающих исследованиях киргизских историков в новом издании «Истории Киргизской ССР» (1984 г.)³⁶.

Целью настоящей работы является всесторонняя характеристика архитектурного сооружения и раскрытие его научно-познавательной ценности, как многогранного комплексного источника.

Автор приносит искреннюю благодарность за консультации, проведенные в процессе подготовки рукописи В. Д. Горячевой и В. Я. Галицкому.

³² Шах-Махмуд Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследования и указатели О. Ф. Акимущкина. — М.: Наука, 1976. С. 226, 314.

³³ Перегудова С. Я. К тайнам Таш-Рабата // Сов. Киргизия. 1980. 19 июня. С. 4.

³⁴ Перегудова С. Я. Новые сведения о Таш-Рабате: Докл. на научных заседаниях «Массоновские чтения», декабрь, 1980 г.

³⁵ Иманкулов Д. Д. Новое о Таш-Рабате // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып. 2. 3—6 июня. — Л., 1983. С. 37—39.

³⁶ История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984. С. 360—361.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ ЗДАНИЯ

Описание памятника

Архитектурный памятник расположен на восточной стороне Таш-Рабатского ущелья и слегка отодвинут вглубь между двумя холмами. К началу наших работ он представлял собой полуразрушенное, занесенное песком и глиной сооружение, используемое чабанами в непогоду как загон для овец (рис. 2).

Здание построено из грубо обработанного сланцевого камня на вырезанной в склоне горы площадке. В плане оно почти квадратное с размерами стен по внешнему контуру: восточная — 32,4 м, южная — 34,8, западная — 32,4, северная — 35,1 м. С трех сторон постройку окружает большой могильник. Захоронения отмечены невысокими холмиками, с южной стороны некоторые из них имеют кольцевую каменную выкладку. Часть могил, по сведениям А. М. Фетисова, принадлежит дунганам, погибшим здесь во время их бегства из Кашгарии в 1877 г.¹

Таш-Рабат ориентирован по странам света и главным фасадом обращен на восток. Единственный вход в здание расположен в щипце сводчатой ниши портала, выступающего за плоскость стены на 2,9 м (рис. 3). Под аркой входа в стенах остались гнезда (12—15 см в стороне квадрата) от деревянных креплений двери. Главный фасад был фланкирован трехчетвертными декоративными башнями диаметром 2,8 м, из которых юго-восточная теперь полностью утрачена. В процессе работ обнаружено, что вдоль восточной стены снаружи устроена суфа шириной 65—85 см, а площадка перед входом и в глубине порталной ниши вымощена крупными плитами. Три других фасада глухие. Фундамент и перекрытия постройки сложены на алебастре, стены — на глиняном растворе. Толщина наружных стен 1,85 м, внутренних — 1,0—1,2 м.

В плане здания выделены две группы помещений, связанных проемом в торце центрального коридора (рис. 4). Размеры его — 15,5х3,8 м, высота до щелыги свода — 4,5 м. В коридоре вдоль стен устроены низкие

(20 см) суфы. Пол вымощен каменными плитами, уровень его от входа до противоположного конца повышается на 30 см. Центральный коридор объединяет все помещения первой группы: две смежные комнаты, расположенные сразу у входа — очевидно, сторожевые (№ 1 и № 2), два боковых коридора (11,65х2,6 м) с суфами в торцах; десять небольших (от 7,7 до 8,9 м²) квадратных комнат, одна из которых (№ 9) имеет второй выход и длинное (11,65х2,82) помещение № 14 с широкой суфой у торцевой стены. (На планах здания, опубликованных Н. Н. Пантусовым и В. Е. Нусовым, эта комната показана изолированной)².

Уровень полов в боковых коридорах и примыкающих к ним комнатах понижен относительно центрального коридора на 30 см. Покрытие полов в квадратных помещениях состоит из сланцевого щебня толщиной от 5 до 15 см по глиняному основанию. На полах лежал 3—5 сантиметровый слой золы с остатками древесного угля. При расчистке комнат № 1—14 в слоях поздних напластований и на уровне полов найдены обломки керамических сосудов.

К первой группе помещений относится еще одна продолговатая комната (№ 13), выделяющаяся среди прочих размерами (ее площадь 22, 5 м²) и обособленным размещением в плане здания. Вход в нее устроен непосредственно из центрального коридора. До сих пор она представлялась проходной, смежной с воображаемой комнатой. На самом же деле, возле южной стены, там, где предполагался второй выход, находится суфа шириной 50 см. Слой золы на полу здесь, как и в комнатах № 1—12, определяет их жилое назначение. Все входы первой группы помещений шириной около 1 м перекрываются плоскими каменными плитами, высота до перемычек от 1,3 до 1,5 м.

Помещения второй группы организованы вокруг квадратного зала (№ 15), размер которого в плане 9,10х9,26 м (нарушение квадратной формы вызвано деформацией боковых стен). Высота стен зала: 5,05 м — восточная, 5,20 — западная. Разница высот образована за счет специально устроенного уклона каменного пола, уровень которого повышается вглубь помещения на 15 см. (Рис. 5 А). На осях зала находятся три глубокие

¹ Фетисов А. М. Экскурсия в За-Нарынские горы в 1879 г.

² Пантусов Н. Н. Таш-Рабат... С. 16. Рис. 1; Нусов В. Е. Архитектура Киргизии... С. 43. Рис. 45. 7084

(5,0) м сводчатые ниши. Вдоль стен тянется суфа высотой — 50 см, прорезанная только главным входом. Все другие проемы здесь подняты на уровень суфы, высота их достигает 1,7 м при ширине до 1,0 м.

В центре зала в каменной плите пола сделана круглая выемка диаметром 50 см на глубину 5—7 см (рис. 6). Возможно, здесь был очаг, по типу вмазанных в пол глиняных сандалов, так как под плитой, по-видимому, от просадки оттаявшего мерзлого грунта образовалась пустота. (К началу наших работ на Таш-Рабате плита была разбита, а пространство под ней заполнено строительным мусором и пищевыми отбросами). Яма — неправильной цилиндрической формы, в поперечнике около 1,5 м. Стенки ее представляют собой осыпающийся сланцевый щебень с глиной (рис. 7).

В западной нише зала, расположенной на главной оси здания, открыты входы в прилегающие помещения. В связи с этим уровень пят свода поднят до перемычек проемов, а высота до щелыги выше, чем у боковых ниш на 55 см. С северной стороны ниши находится одна комната — № 21 (3,23х3,33 м), с южной — две смежные — № 19 и № 20. Площадь проходной квадратной в плане комнаты № 19 равна 10,7 м², второй — прямоугольной — 6,6 м². На полу этого помещения лежали две каменные плиты, под которыми обнаружены погреб и яма неизвестного назначения (описание их будет приведено ниже). Наличие здесь ямы и погреба, а также наиболее скромное по сравнению с расположенными рядом квадратными помещениями оформление интерьера (рис. 8, 9), свидетельствует о подсобно-хозяйственном назначении комнаты № 20.

В боковых стенах зала друг против друга попарно расположены четыре проема. Два из них ведут в комнаты № 18 и № 22, площадь которых соответственно 7,6 м² и 7,9 м². Щебеночный пол поднят на уровень суфы зала. Два других входа через небольшие галереи связывают центральное купольное пространство с боковыми кулуарами № 17 и № 24. Это коридорообразные помещения (18,9х4,0 м — южное и 14,6х4,0 м — северное) с широкими (от 95 до 160 см) суфами вдоль стен. В северной галерее № 23 устроена площадка и ступени для выхода на крышу (рис. 10). Кулуар № 24 через большой лаз (высотой 80 см) в стене сообщается с неосвещаемой камерой № 25 (размером в плане 3,16х1,8 м), перекрытой двумя плоскими каменными плита-

ми. В глубине ее, под слоем мусора, обнаружена хозяйственная яма диаметром 90 см.

Полы в здании — трех видов: в центральном коридоре и зале — выкладка каменными плитами, в квадратных комнатах — покрытие из сланцевого щебня, в боковых коридорах и кулуарах — земляные. Отметки полов повышаются от входа в глубь здания на 1,30 м, во-первых, за счет специально предусмотренного уклона, во-вторых, за счет понижения уровня полов в помещениях, примыкающих к боковым коридорам, и повышения — в помещениях, окружающих зал (рис. 5 Б).

Комнаты Таш-Рабата перекрывали 18 малых куполов диаметром от 1,5 до 3,0 м, один большой купол диаметром 9,0 м и 10 сводов пролетом от 2,3 до 3,0 м, пять из которых выполнены способом «отрезков» и пять — клинчатой кладкой. (В подтверждение наблюдений Б. Н. Засыпкина о преимуществе в условиях сейсмичности клинчатой кладки перед другими конструкциями сводов³, в Таш-Рабате сохранился только один свод «отрезками» и четыре клинчатых). Кроме того, два помещения имели плоскую крышу. В одном (№ 16) сохранились только остатки разрушенной каменной плиты на несущих стенах и следы ее примыкания к торцовой, во втором (№ 25) — конструкция находится в первоначальном виде.

Внутренние пространства освещались через люки в перекрытиях — явление, наблюдаемое в ранних памятниках Средней Азии⁴ (ср.: мавзолеи Саманидов, Мешеди-Мисриан, караван-сарай Дая-Хатын, мечеть Деггарон). Размер сохранившихся отверстий в сводах 70х70 см. Конструкция кровли трехслойная: кладка сводов и куполов обмазана 10-сантиметровым слоем глины и облицована мелкими сланцевыми плитками. Поверх — ганчевая штукатурка толщиной 1—2 см. Пазухи на 40—50 см заливались глиняным раствором, затем выстилались каменными плитками и штукатурились ганчем.

Натурное обследование Таш-Рабата установило, что планировка здания не менялась со времени его строительства: нет следов переделок, ремонтов, закладки

³ Засыпкин Б. Н. Своды в архитектуре Узбекистана // Арх. наследство. — М.: Стройиздат, 1961. № 13. С. 148.

⁴ Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. — М.: Стройиздат, 1977. С. 132.

проемов. Не обнаружен также и предполагаемый Б. Н. Засыпкиным архитектурно выраженный михраб. Западная ниша, где бы он мог находиться, отличается от боковых только по высоте, что было вызвано размещением в ее стенах входов. В связи с этим не подтверждается назначение купольного зала как мечети.

Памятник сильно пострадал от времени: верхняя часть портала и парапет по всему периметру разрушены; восточная стена прссела, о чем свидетельствует приподнятый наружный край суфы со стороны фасада; портал оторван от стены и имеет значительное отклонение от вертикали; декоративное оформление интерьера представлено фрагментами. Наружные стены, по-видимому, тоже были облицованы ганчем, но остатки штукатурки видны только на портале, угловой башне и большом куполе. Через все здание проходят три поперечные трещины: одна — через зал, две другие — вдоль фасадной восточной стены, снаружи и изнутри. Вследствии этого разрушились купола примыкающих к ней помещений и портал. Эти деформации (вероятно, вызванные землетрясением) создали разницу между длинами боковых фасадов в 30 см. Более всего пострадали сводчатые конструкции в юго-восточной части памятника, перекрытия северо-западного угла сохранили, в основном первоначальный вид. Такое различие в техническом состоянии конструкций памятника, возможно, связано с тем, что, как показало вскрытие фундаментов, все стены постройки кроме ее северо-западной части, опирающиеся на скальный грунт, поставлены на глинистое основание.

Обмерные работы на Таш-Рабате выявили некоторые неточности в ранее опубликованных планах здания⁵. Так, проходная галерея № 16 на плане 1940 г. изображена замкнутой, а помещение № 13 представ-

лялось проходным, связанным с длинным помещением № 17 или с несуществующей квадратной камерой в его торце.⁶ Таким образом, примыкающий к ней кулуар № 17 становился короче соответственно на размер предполагаемой комнаты.

Длинное помещение № 14 считалось изолированным, имеющим выход только в центральный коридор. Поэтому осталось незамеченным его отношение к группе жилых помещений и появилась версия о размещении здесь выючных животных⁷. Северный кулуар № 24 на плане В. Е. Нусова ошибочно связывался с комнатой № 21 и залом через камеру с бадрабом (№ 25), становясь таким образом проходным помещением. Внесенные по результатам обмеров 1978—1979 гг. исправления в план здания изменяют представление о нем как по части функционального назначения отдельных помещений, так и по части симметрии его относительно главной оси.

Аналогии

Таш-Рабат не единственное каменное сооружение в Средней Азии. Наряду с сырцовым и жженым кирпичом, в горных и предгорных районах с рубежа нашей эры до развитого средневековья в строительстве по преимуществу употреблялся камень. Это древние постройки Тохаристана, остатки буддийских культовых сооружений в районе Термеза, крепости в верховьях р. Пяндж, укрепления и караван-сарай: Белеули в средневековом Хорезме, Махдули Азами в Гиссаре, Акыр-Таш близ Джамбула. В горах Центрального Тянь-Шаня и Памира, в долине р. Чаткал, в предгорьях Ферганы известны каменные сооружения типа курумов, мугхона и других построек⁸.

Как замечает В. Л. Воронина, достигнув большого совершенства, техника строительства из камня осталась, однако, вне основного русла среднеазиатского

⁵ Уточненный архитектурно-археологическими исследованиями 1978—1979 гг. план здания Таш-Рабат был опубликован Д. Д. Иманкуловым в научно-популярном сборнике «Памятники Киргизстана» (Фрунзе: Кыргызстан, 1982. № 5). Однако приведенные там сведения, относящиеся к описанию памятника, во многих случаях не соответствуют материалам наших исследований. Например, неверна информация о покрытии полов в небольших квадратных помещениях, о глубине заложения фундаментов, о заполнении бадрабной и других ям внутри здания, а также о датировке находок керамики XIII в. Авторские дневники и отчеты о полевых исследованиях хранятся в архиве СНРПМ Мин. культуры КиргССР.

⁶ Пантусов Н. Н. Таш-Рабат... С. 16; Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней С. 43.

⁷ Засыпкин Б. Н. Выдающиеся памятники... С. 146.

⁸ Литвинский Б. А. Курганы и курумы западной Ферганы. — М.: Наука, 1972. С. 148. — 178; Бубнова М. А. Культовый комплекс в кишлаке Вранг (Западный Памир) // Археологические работы в Таджикистане. — Душанбе: Дониш, 1986. С. 249—263; Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 3—62.

зодчества и не влияла на образование форм⁹. Поэтому конструктивные приемы, употребленные в Таш-Рабате, могут рассматриваться в процессе общего развития строительной техники средневековья.

Почти все проемы в здании перекрыты плоскими каменными плитами. Только два входа, расположенные на главной оси постройки завершаются арками, выложенными в технике клинчатой кладки с выстилкой мелкими плитами плашмя поверху. Такой же прием, известный с древнего и раннесредневекового периодов¹⁰, использован в отделке арок сводчатых ниш в зале и на портале.

В коридорах, кулуарах и нишах зала своды выложены на ганчевом растворе кладкой двух видов: вертикальными «поперечными отрезками» (рис. 11) и клинчатой (рис. 12). Первый конструктивный метод кладки сводов характерен для местного зодчества и сохраняется вплоть до наших дней, клинчатые же конструкции перекрытий (эллиптического начертания обнаружены лишь в границах древней Парфии и Бактрии в постройках до VI в. и, по мнению В. А. Нильсена, являются «своеобразной данью эллинистическим традициям»¹¹. Возможно, что употребление забытого приема клинчатой кладки указывает на участие в строительстве Таш-Рабата мастеров из этих районов.

Очертание арок и сводов — плавное стрельчатое. Высота опорной части увеличена за счет нескольких горизонтальных рядов кладки, уложенных под пятой.

Купола выполнены из плоских, слегка подтесанных на клин камней наклонными кольцевыми рядами. Оболочка их одинарная, утолщенная у пяты. Купол центрального зала был трехступенчатым, сейчас он сохранился на высоту лишь двух уступов. Толщина кладки у основания 1 м, вверху на высоте 4 м от пяты — 60 см. Ступенчатые расширения (30 см) оставались открытыми. Это единственный купол постройки, поставленный на восьмигранный барабан. В нем сделаны четыре световых проема (100x100 см), ориентированных по сторо-

нам света. Еще четыре окна (80x70 см) расположены на уровне второго уступа перекрытия и смещены относительно нижних на 45°. Купол и барабан снаружи оштукатурены. Согласно наблюдениям Г. А. Пугаченковой, купола, как в данном случае, выведенные с отступом наружных кладок и поставленных на промежуточный восьмерик, являются конструктивной особенностью хорасанских и южно-мавераннахрских объемных композиций, тогда как в северном Мавераннахре купола выведены по единой кривой и поставлены как бы прямо на квадратную призму основного объема¹².

Остальные купола Таш-Рабата барабанов не имеют. Они опираются на большие каменные плиты, положенные на углы стен¹³, которые в 10 помещениях из 18 дополнительно поддерживаются консольными парусами (рис. 13, 14, 15). Консоли выполнены выпуском в объеме четверика нескольких рядов кладки стопками диагонально и параллельно стенам, образуя при этом два варианта парусов, различающихся на выступающие и углубленные. Согласно классификации В. Л. Ворониной, в первом — призмы, уложенные стороной плит параллельно стенам, опускаются от подножья купола с уменьшением их числа, во втором — стопки, повернутые на 45° к стенам, вмонтированы в треугольную призму, образуя в ней выемку, число их уменьшается кверху¹⁴.

Всего в здании семь видов парусов, пять из них — одноярусные (рис. 13, 14). Сложную двухъярусную конструкцию образуют призмы в прямоугольной комнате № 13, осуществляя переход через восьмиугольник к куполу. Паруса здесь нельзя определенно отнести ни к первому, ни ко второму варианту, так как при диагональном выпуске плит конструкция развивается кверху и имеет вид выступающего паруса (рис. 15 А).

Подкупольные конструкции центрального зала — комбинация сразу двух приемов: выпуск консолей в углах четверика и заполнение углов полученного восьмиугольника трехгранными нишевыми арками

⁹ Воронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. — М: Стройиздат, 1953. Вып. 3. С. 16.

¹⁰ Прибыtkова А. М. Строительная культура Средней Азии IX—XII вв. — М., 1973. С. 17.

¹¹ Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. — Ташкент: Фан, 1966. С. 247.

¹² Пугаченкова Г. А. Хорасанские мавзоли // Художественная культура Ср. Азии IX—XII вв. — Ташкент: Лит. и искусство, 1983. С. 26.

¹³ Такой же прием употреблен в одном из каменных курумов в верховьях Ангrena. (Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. С. 109).

¹⁴ Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ... С. 123.

(рис. 16.). Таким образом, восьмигранный снаружи барабан в интерьере приобретает вид шестнадцатигранника. Конструкция каждого паруса здесь содержит 18 деревянных балок, включенных в кладку консольных выпусков. Верхние четыре балки перекинуты через углы помещения, нижние ряды, защемленные одним концом в стены, поддерживают четырехъярусные выступающие паруса (рис. 15 В). В стенах от балок остались гнезда с кусками древесного тлена.

Паруса Таш-Рабата конструктивны: в квадратном зале они несут барабан, в других помещениях — непосредственно купола. Развитие консольных конструкций отмечается с XI в. (мечеть Деггарон, караван-сарай Дая-Хатын, мавзолей Аламбердара, караван-сарай Мана-Кельды), а декоративная их обработка путем штукатурки или облицовки терракотой с XII в. (мавзолей Фахр-ад-Дина Рази), преобразуя к концу XIV в. ячеистые паруса в богатые декоративные формы (мечеть Ходжа-Ахмеда Ясеви)¹⁵. Эти наблюдения относятся к постройкам из жженого кирпича, и отставание декоративной отделки конструкции от возникновения конструктивной формы, возможно, объясняется широким употреблением в XI—XII вв. жженого кирпича в качестве стенового и облицовочного материала. Интерьеры сырцовых зданий в это время продолжали штукатуриться. Тем более, грубая каменная кладка Таш-Рабата не могла остаться открытой. Штукатурка здесь, повторяя конструкции, является оболочкой и полным художественным завершением формы.

Паруса во всех помещениях были покрыты в два слоя розоватым ганчем: черновая штукатурка толщиной 2—3 см (в углах 5—7 см), верхний слой — штук толщиной около 1 см. Конструкции окомурены двумя линиями в технике плоской настенной резьбы (глуб. 3—4 мм). В зале средние грани нишевых арок барабана, кроме того, декорированы полукруглыми фестонами с тремя точками на острых концах (рис. 17).

Техника графической резьбы по ганчу отмечена в ряде памятников Средней Азии IX—XI вв. Это мечеть (IX в.), купольный зал (IX—X в.) на Афрасиабе, мавзолей Араб-Ата в Тиме (X в.), жилой дом (X—XI вв.) на Краснореченском городище¹⁶, культовое здание

¹⁵ Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ... С. 125.

¹⁶ Кожемьяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая куль-

(X—XI вв.) на Бурачинском городище¹⁷, здание X—XI вв. в пригороде Алтынтепе в долине Кашкадарьи¹⁸ и мавзолеей Шах-Фазиль¹⁹ в Сафид Булане (сер. XI в.). Плоскостная трактовка рисунка в архитектурном декоре IX—XII вв. существовала одновременно с другими видами резьбы по ганчу и, как полагает Л. И. Ремпель, возможно, относится к особой, отдельно стоящей школе графического узора²⁰.

Пример употребления фестончатых арочек для Средней Азии древнейший, но истоки его на местной почве пока не обнаружены²¹. В резном штуче они известны по михрабу мечети Мешеди Мисриан (IX в.), аркатуре мавзолея Араб-Ата, купольному залу на Афрасиабе. В памятниках Киргизстана этот мотив многократно повторен в штучном декоре мавзолея Шах-Фазиль в Сафид-Булане и исполнен в глубокой резьбе по ганчу настенных арочек в интерьере Среднего мавзолея в Узгенде (XI в.).

Наряду с настенной резьбой, в интерьере купольного зала в Таш-Рабате применено крепление литых упрощенной формы колонок в ярусе шестнадцатигранника, от которых остались фрагменты и насечки на штукатурке (рис. 17). Такой прием практиковался в IX—X вв. в оформлении мавзолея Саманидов (конец IX в.), мавзолея Араб-Ата и в здании с купольным залом на Афрасиабе.

По наблюдениям В. Л. Ворониной, колонки пояса тромпов, на которые опираются свесы купола, «в сох-

тура Киргизстана. — Фрунзе, 1967. С. 74—75; Горячева В. Д. Археологические работы на Краснореченском городище в 1978 г. (отчет о полевых исследованиях) // Архив ИИ АН КиргССР.

¹⁷ Горячева В. Д. Археологические исследования на территории музея-заповедника «Бурана» в 1985 г. (Отчет о полевых исследованиях) // Архив ИИ АН КиргССР, инв. № 794, с. 35—37, 91—94.

¹⁸ Лунина С. Б., Богомолов Г. И. Архитектурный декор в памятниках Алтынтепе // Материалы по истории, историографии и археологии. — Ташкент, 1978. № 556. С. 3—8.

¹⁹ По последним данным резной штук мавзолея Шах-Фазиль датируется серединой XI в. Архитектурная эпиграфика и нумизматический материал определяют время его строительства 447/1055—451/1059 гг. (Настич В. Н., Кочнев Б. Д. К атрибутам мавзолея Шах-Фазиль // Эпиграфика Востока. — Л.: Наука. Вып. XXIV. С. 68—77.

²⁰ Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. — М.: Сов. художник, 1978. С. 123.

²¹ Ремпель Л. И., Ахраров И. А. Резной штук Афрасиаба. — Ташкент: Лит. и искусство, 1971. С. 135.

ранившихся памятниках зодчества исключительно редки, а по времени относятся к концу IX—X вв., может быть, к началу XI в.»²².

Самые ранние колонки подкупольного яруса, известные по мавзолею Саманидов, купольному залу на Афрасиабе и мавзолею Араб-Ата, сохраняют форму старосогдийских колонн и имеют импостную капитель, коническое тело и шаровидную базу (рис. 18 А, Б). В мавзолее Саманидов все, кроме капители, выполнено в кирпиче, в мавзолее Араб-Ата и на Афрасиабе колонки полностью отлиты из гипса. В памятниках XI—XII вв. форма колонок изменяется, превращаясь, в гладкие декоративные столбики, выполненные в кирпичной кладке (мавзолей Астана-баба XI в., мавзолей Санджара XII в.) или выступающие тяги-обрамления граней парусного яруса (мавзолей Ярты-Гумбеш вблизи Серахса 1098 г., мавзолей XI в. в комплексе Султан-Саадат в Термезе (рис. 18 Д). Средний мавзолей в Узгенде XI в.). На территории Киргизстана тонкие колонки, сложенные из мелких кирпичиков стопкой, закрепляют углы восьмигранника в мавзолее Шах-Фазиль. Вместо капители здесь слабо выраженные консольный выступ, базы нет. Колонки оштукатурены, фасадная плоскость сплошь покрыта резным узором (рис. 18 Г).

Среди памятников, имеющих рудименты колонок подкупольного яруса, Таш-Рабат с формованными гипсовыми столбиками (рис. 18 В), по-видимому, является наиболее ранним сооружением, так как по конструктивному приему — сборка навесных деталей на растворе — он тяготеет к памятникам IX—X вв. (табл. 1).

Интересной деталью в декоративном оформлении квадратного зала является также горизонтальная профилированная тяга в виде прямой выкружки с полочкой внизу, разделяющая подкупольные конструкции и перекрытие. Как замечено Л. И. Ремпелем, различные архитектурные обломы (валики, выкружки, скоции), близкие к греко-римским образцам, применялись в оформлении стен зданий древнего Термеза. Сочетание традиционных форм местной архитектуры и архитектурного убранства с греко-восточными и восточноримскими элементами типично для архитектуры парфянской Нисы и Бактрии. Однако, как отмечает исследователь средневекового искусства, типичные для эпохи

²² Воронина В. Л. Конструкция и художественный образ.. С. 86.

Таблица 1
Эволюция формы колонок подкупольного яруса в памятниках архитектуры Средней Азии в IX—XII вв.

Дата	Памятник	Материал и обработка			Форма колонок
		стен	колонок		
1	2	3	4	5	
IX в.	Мавзолей Саманидов в Бухаре	Кирпич неоштукатуренный	Декоративная кладка из мелких шлифованных кирпичиков, формовка из гипса		
IX—X вв.	Здание с купольным залом на Афрасиабе	Кирпич оштукатуренный	Формовка из гипса	Колонки старосогдийской формы (рис. 18 А, Б)	
997—998 гг.	Мавзолей Араб-Ата в Тиме	Кирпич оштукатуренный	Формовка из гипса		
X—XI вв.	Таш-Рабат в Центральном Тянь-Шане	Кирпич оштукатуренный	Формовка из гипса		
1055—1059 гг.	Мавзолей Шах-Фазиль в Сафид-Булане	Кирпич оштукатуренный	Кладка из мелких кирпичиков стопкой, штукатурка с резьбой	Декоративные столбики (рис. 18 В, Г)	

1	2	3	4	5
X—XI вв.	Мавзолей Астана-баба в Термезе	Кирпич неоштукатуренный	Фигурная кладка из кирпича неоштукатуренного	Выступающие тяги обрамления (рис. 18 Д)
XII в.	Мавзолей Санджара в Древнем Мерве	Кирпич оштукатуренный	Кладка из кирпича, штукатурка, литые сталактиты из гипса	
Начало XI в.	Мавзолей Султана Саадат в Термезе	Кирпич неоштукатуренный	Кладка из кирпича, неоштукатуренного	
Начало XI в.	Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда в Древнем Мерве	Кирпич неоштукатуренный	Кладка из кирпича неоштукатуренного	
XI в.	Мавзолей Ярты-Гумбаз в Серахсе	Кирпич неоштукатуренный	Фигурная кладка из мелких кирпичиков неоштукатуренных	
XI в.	Средний мавзолей в Узгенде	Кирпич неоштукатуренный	Фигурная кладка из кирпича неоштукатуренного	

эллинизма профили и обломы уже в архитектуре VI—VIII вв. выходят из употребления²³.

Архитектурные пропорции

Анализ объемно-пространственной структуры здания Таш-Рабат был проведен с учетом новых результатов историко-теоретического исследования основ построения и пропорционирования форм древней архитектуры²⁴, как показали исследования ряда ученых, обобщенные и развитые в работе «Основы канона гармонии в архитектуре». Все зодчество Древнего Востока, Египта, Греции, Ирана, Индии, Средней Азии и Древней Руси формировалось на основе канона гармонии, обобщенную формулу которого ($I_n = I/2^n$) представляет геометрическая прогрессия ряда вписанных квадратов.

Здание Таш-Рабат — сложный архитектурный организм, объединяющий вокруг главного зала множество различных помещений. Применение нового анализа построения архитектурной формы памятника показало, что он сооружен в строгом соответствии с каноном гармонии на основе сетки динамических квадратов (рис. 19).

Принимая за исходный размер длину главного восточного фасада (без выноса башен), через геометрический центр главного купольного помещения строим сетку динамических квадратов. Следуя принципу от целого к частному, можно последовательно определить все размеры помещений и стен. Итак, основные соразмерности плана следующие:

1. Длина западного и восточного фасадов, то есть сторона исходного квадрата $I = 32,4$ м.

2. Вписанный в него квадрат со стороной I_1 равной $\frac{I\sqrt{2}}{2} = 23$ м определяет положение на плане трех

стен: поперечной наружной с запада и двух продольных внутри. Натурный обмер стороны этого квадрата дал величину 23,29 м.

3. Место наружной восточной стены на плане находится засечкой дуги, соответствующей половине диаго-

²³ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. — Ташкент: Худ. лит., 1961. С. 38, 40, 69.

²⁴ Захидов П. Ш. Основы канона гармонии в архитектуре. — Ташкент: Фан, 1982.

нали исходного квадрата с продольной осью здания. Таким образом, длина боковых фасадов определяется суммой половины диагонали исходного квадрата и половиной стороны квадрата $I_1 \frac{IV\sqrt{2}}{2} + \frac{IV\sqrt{2}}{4} = 34,5$ м.

По обмерам южная стена равна 34,8 м, северная — 35,1 м.

4. На продолжении сторон следующего квадрата I_2 расположены два дверных проема. Сторона его, равная по расчету $I_1 \frac{2}{2} = 16,33$ м, имеет в натуре размер 17,06 м.

5. Расчетная величина стороны квадрата $I_4 = 8,22$ м, на продолжении сторон которого лежат наружные боковые грани пештака, почти в точности соответствует обмерной величине — 8,28 м.

6. Размер центрального подкупольного пространства геометрически определяется путем соединения попарно противоположных точек пересечения двух квадратов со стороной I_1 , имеющих общий центр и развернутых относительно осей друг друга на 45° . Длина стен помещения вычисляется разницей между стороной исходного квадрата и половиной его диагонали: $I = \frac{IV\sqrt{2}}{2} = 9,4$ м. Натуральные размеры этого поме-

щения следующие: северная стена — 9,36 м, южная — 9,16 м, западная — 9,09 м, восточная — 9,07 м.

Таким образом, из приведенных примеров геометрического и аналитического расчета соразмерностей плана видно, что здание было построено по проекту. Рабочий метод построения архитектурной формы исходил из принципов канона гармонии, то есть сетки динамических квадратов. За исходный размер аналогии (архитектурного чертежа) взята ширина главного фасада здания. Габариты постройки и отдельных помещений установлены путем засечек линий, при этом все основные узлы здания получают четкую систему построения. Важная примечательность структуры плана в том, что и стены, и проемы в большинстве случаев совпадают с линиями динамических квадратов. Натурные размеры здания в основном соответствуют «проектным». Погрешности натурных размеров с теоретическими могли

возникнуть как при разбивке сооружения на местности, так и в связи с деформацией стен.

При исследовании Таш-Рабата была поставлена также задача анализа геометрического построения объемов интерьера и выявления методов начертания кривых куполов, сводов, и арок. Путем точных замеров и последующего анализа нескольких сводов, избежавших разрушения и деформаций, установлен прием их построения из двух центров с $R=5/8$ пролета арки (рис. 20).

Арочный вход в зал построен на двух квадратах со стороной равной пролету арки. Основание ее находится на высоте, отмеренной диагональю нижнего квадрата. Уровень пят опущен и определяется построением. Кривая строится из двух центров с $R=5/8$ (рис. 21 Б).

Для арки наружного входа устанавливается метод трехцентрового построения. Весь проем вписывается в полтора квадрата со стороной равной пролету арки. Первый центр находится в середине верхнего квадрата, два других лежат в нижней части прямоугольника, на пересечении его стороны с диагональю верхнего квадрата. Пяты арки опущены, их место определяется геометрически (рис. 21 А).

Как показало изучение средневековой архитектуры Средней Азии, трехцентровое и двухцентровое построение арок и сводов с делением основания на 3,5 и 8 частей характерно для памятников IX—X вв.²⁵ Арки с $R=5/8$ пролета, например, применены в угловых павильонах мавзолея Саманидов (IX в.), трехцентровые — в Харам-кешке (IX в.) в окрестностях древнего Мерва.

Для анализа построения интерьеров были выбраны центральный объем и наиболее сохранившая купол комната № 19.

В построении архитектурных форм центрально-купольных помещений измерителем служил квадрат²⁶. Для помещения № 19 сторона его A равна 320 см. Этому квадрату соответствует диагональ $A\sqrt{2} = 452,5$ см. Все членения интерьера определяются простым геометрическим построением и являются производными стороны квадрата (рис. 22 А).

1. Высота четверика в интерьере до подкупольных конструкций соразмерна стороне квадрата минус раз-

²⁵ Ахраров И. А., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба. С. 73.
²⁶ Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв. — М.: Наука, 1978. С. 112.

ность диагонали и стороны квадрата, т. е. $A - (A\sqrt{2} - A) = 187,5$ см (По обмерам 185 см, погрешность 2,5 см).

2. Сторона восьмигранника равна разности диагонали квадрата и его стороны: $A\sqrt{2} - A = 132,5$ см (По обмерам 130 см, погрешность 2,5 см).

3. Высота до основания купола определяется как разность диагоналей квадратов со сторонами A и $A\sqrt{2} - A$, т. е. $A\sqrt{2} - (A\sqrt{2} - A)\sqrt{2} = 2(A\sqrt{2} - A) = 265$ см. (По обмерам 256 см, погрешность 9 см).

4. Высота подкупольных конструкций определяется построением и равна разности высот до основания купола и стен до парусов, т. е. $(2A\sqrt{2} - 2A) - (2A - A\sqrt{2}) = 3A\sqrt{2} - 4A$. Теоретически — 77,5 см, по обмерам 73 см, погрешность 4,5 см.

5. Образующая купола строится из двух центров с $R = 5/8$ (рис. 22 Б). Интерьер квадратного зала деформирован. Членения его по высоте: стены, восьмигранник, шестнадцатигранник, купол. Натурные размеры в плане следующие: северная стена — 9,36 м, южная — 9,16 м, западная — 9,09 м, восточная — 9,09 м. Так как трещины разрушили только продольные стены помещения, то первоначальным размерам соответствуют наиболее сохранившиеся и равные по ширине западная и восточная стены. Итак, при длине стены 909 см, диагональ квадрата равна 1285 см (рис. 23 А).

1. Высота стен до восьмигранника измеряется половиной стороны квадрата, т. е. $A/2$. (Теоретически 454,5 см, по обмерам 446, погрешность 8,5 см).

2. Высота до основания купола равна половине диагонали квадрата $\frac{A\sqrt{2}}{2}$. (Теоретически 642,5 см, по обмерам 650 см, погрешность 7,5 см).

3. Высота восьмигранника вместе с шестнадцатигранником определяется полуразностью диагонали квадрата и его стороны $\frac{A\sqrt{2}}{2} - \frac{A}{2} = \frac{A\sqrt{2} - A}{2}$.

4. Высота до щелыги сводов боковых ниш равна диагонали квадрата со стороной $A - \frac{A\sqrt{2}}{2} = A\sqrt{2} - A$ (Теоретически 376 см, по обмерам: 365 см — деформированная южная, 380 см — северная ниши). Уровень

пят арок находится построением. Высота западной ниши (435 см) определяется геометрически.

5. Уровень основания консольных парусов равен половине диагонали квадрата со стороной $A - \frac{A\sqrt{2}}{2}$,

т. е. $\frac{A\sqrt{2} - A}{2}$. (Теоретически 188 см, по обмерам

185 см, погрешность 3 см).

6. При исследовании кривой купола имелся обмер его наружного профиля и толщина кладки в основании и на высоте 4 м от пяты, т. е. две крайние точки внутренней образующей. Вероятнее всего было предположить здесь, уже примененный в других помещениях метод двухцентрового начертания профиля с распространенным в средневековье делением основания на 3,8 или 12 частей. Построение показало, что кривая $R = 2/3$ более высокая и крутая, $R = 7/12$ более низкая и пологая, чем требуемая для пересечения с обмерными точками. Через них, почти в точности, проходит образующая $R = 5/8$ (рис. 23 Б).

7. Высота до зенита купола соответствует диагонали основного квадрата $A\sqrt{2}$.

8. Уровень нижней ступени купола вычисляется разностью диагоналей квадратов со сторонами A и $A\sqrt{2}$, т. е. $2(A\sqrt{2} - A)$. (Теоретически 752 см, по обмерам 759 см, погрешность 7 см).

9. Уровень второй ступени соразмерен стороне основного квадрата, т. е. A . (Теоретически 909 см, по обмерам 909 см).

10. Уровень верхней ступени теоретически равен разности диагонали основного квадрата стороны квадрата

$$A - \frac{A\sqrt{2}}{2}, \text{ т. е. } A\sqrt{2} - \left(A - \frac{A\sqrt{2}}{2}\right) = \frac{1}{2} A\sqrt{2} - A.$$

(В натуре не сохранился).

Расхождение в некоторых случаях натурных размеров с вычисленными величинами объясняется искажением объемов помещений в связи с деформациями, а также неровностью поверхности каменной кладки.

Таким образом, анализом архитектурных пропорций установлено, что членения интерьера и методы начер-

Таблица № 2

Высота	М. Самани- дов, конец IX в.	М. Араб-Ата, 977—78 гг.	М. Алам- бердера, начало XI в.	М. Санд- жара, XII в.	Таш-Рабат	
					квадратный зал	помещение № 19
До основания купола	A	$\frac{1}{2}A - A\sqrt{2}$	$\frac{A\sqrt{2}}{2}$	$A\sqrt{2}$	$\frac{A\sqrt{2}}{2}$	$2(A\sqrt{2} - A)$
Стен	$\frac{A}{2} < \frac{A\sqrt{2}}{2} < A$	$\frac{A}{2} < 2A - A\sqrt{2} < A$	$A\sqrt{2} - A < A$	A	$\frac{A}{2}$	$2A - A\sqrt{2}$
Подкуполь- ных конст- рукций	$A - \frac{A\sqrt{2}}{2}$	$\frac{A}{2}$	$A - \frac{A\sqrt{2}}{2}$	$A\sqrt{2} - A$	$\frac{A\sqrt{2} - A}{2}$	$3A\sqrt{2} - 4A$

тания кривых арок в Таш-Рабате выполнены по законам построения архитектурной формы памятников Средней Азии IX—XII вв.²⁷ Замечено, что в процессе эволюции объемов интерьера в центрально-купольных сооружениях наблюдается неуклонное перемещение яруса парусов вверх²⁸, т. е. высота стен до яруса парусов меняется от величины меньшей половины стороны квадрата, как, например, в мавзолее Аламбердера (XI в.) до величины равной стороне квадрата, как в мавзолее Санджара (XII в.) и больше стороны квадрата в памятниках XV в. (мавзолей Гур-Эмир) (рис. 24 А. Б). Для наглядности сравнения пропорций нашего памятника с сооружениями IX—XII вв. соразмерности которых определяются квадратом и его производными, составлена таблица 2, где показано, что высоты конструкций в помещениях Таш-Рабата равны соответствующим членениям в мавзолее Аламбердера и Араб-Ата (рис. 24 Б). Такое самое низкое расположение подкупольного яруса, как в памятниках X и XI вв., ставит наше здание в один хронологический ряд с ними.

Датировка

Как показало археологическое обследование памятника, Таш-Рабат построен в традициях средневекового зодчества Средней Азии. Сама архитектурная композиция — прямоугольник с угловыми башнями и выступающим пештаком — выработана еще в раннем средневековье²⁹, и в дальнейшем стала универсальной структурой для различных видов типов здания: жилых, торговых, культовых³⁰.

Архитектура Таш-Рабата сочетает приемы строительного искусства домусульманского времени и средства выразительности зодчества раннего и развитого средневековья. Так, зданию присуща архаичность еще встречающаяся в некоторых сооружениях XI в. (караван-сарай Дая-Хатын). Это крепостной абрис плана, угловые башни и глухие стены, освещение помещений через отверстия в перекрытиях, отсутствие во всех

²⁷ Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV веков. С. 62—113.

²⁸ Ахраров И. А., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба. С. 72.

²⁹ Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока... С. 58.

³⁰ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. — Ташкент: Фан, 1980. С. 20.

(кроме центрального зала) купольных помещениях барабана, являющегося достижением зодчих IX—X вв.³¹ При строительстве здания применялись и такие древние приемы, как выстилка верхней кривой арок плитами плашмя и увеличение опорной части арок и сводов горизонтальными подпяточными рядами кладки.

Новыми средствами архитектуры в Таш-Рабате являются выдвинутый объем портала с арочной нишей, «прочно вошедший в архитектурный обиход с конца X в.», и увеличение высоты зала за счет введения подкупольного пояса с арками стрельчатого очертания³².

Конструкции Таш-Рабата по форме и исполнению характерны для архитектуры среднеазиатского региона: это и выполненные способом «стрезков» своды, известные с древнейших времен и до наших дней³³, и консольные паруса, «составляющие исключительную принадлежность архитектуры Средней Азии»³⁴, распространение которых отмечено от южных границ Мавераннахра до северного Туркестана (мечеть Деггарон в Бухарской области, караван-сарай Дая-Хатын в Туркестане, караван-сарай Манакельды на Тянь-Шане). Декоративное оформление интерьеров здания по рисунку и, в особенности, по манере резьбы орнамента имеет аналогии с архитектурным декором ряда памятников Семиречья, Ферганы и Мавераннахра (жилые и культовые сооружения Бураинского и Краснореченского городищ, мавзолеев Шах-Фазиль, Средний Узгенский мавзолей, мавзолеев Араб-Ата, здание с купольным залом на Афрасиабе). Таким образом, принадлежность Таш-Рабата к памятникам среднеазиатского зодчества очевидна.

Имеются в здании Таш-Рабат и конструктивные, и декоративные особенности, характерные для древних сооружений лишь отдельных областей Средней Азии. Например: применение в оформлении интерьера профилированной тяги; употребление при возведении сводчатых перекрытий клинчатой кладки — способа, зафиксированного только в монументальных памятниках Парфии и Бактрии³⁵; а также сооружение большо-

го купола со ступенчатым профилем на открытом снаружи восьмерике, что является отличием средневековых построек Хорасана и южного Мавераннахра от центрально-купольных композиций в других районах³⁶. Применение в Таш-Рабате обоих конструктивных методов, существовавших в разное время, но объединяемых по территориальному признаку, логично объяснить участием в строительстве тянь-шаньского памятника мастеров из южных областей современных Узбекистана и Туркмении.

Время возникновения Таш-Рабата определяется использованными в нем строительными приемами:

1. Архитектура здания разработана по законам построения архитектурной формы памятников IX—XII вв., а именно с использованием стороны и диагонали квадрата. Согласно наблюдениям М. С. Булатова, эта система не получила широкого распространения, и, хотя иногда встречается в сочетании с другими методами пропорционирования в более поздних сооружениях (например, в конце XIV в. в мавзолее Ходжа Ахмада Ясеви в Туркестане), XIII—XV вв. развиваясь в новые приемы гармонизации архитектурной формы, основанных на равностороннем треугольнике, производных полуквадрата и др.³⁷

2. Членение интерьеров здания по высоте соответствуют пропорциональному соотношению конструкций памятников IX—X вв., в которых высота стен до яруса парусов меньше их длины³⁸. При этом, размещение подкупольных конструкций в помещениях Таш-Рабата прямо совпадает с уровнями пояса тропов в мавзолеев Араб-Ата и Аламбердера.

3. Очертания арок сводов и куполов Таш-Рабата имеют характерное для ранних сооружений³⁹, двухцентровое построение с делением основания на восемь частей (как, например, в мавзолее Саманидов).

4. Декоративные столбики в подкупольном ярусе квадратного зала выполнены способом, употребленным в памятниках IX—X вв. (здание с купольным залом на Афрасиабе и мавзолеев Араб-Ата). Этот метод — крепление на растворе формованных гипсовых деталей

³¹ Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии... С. 19.

³² Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока... С. 54, 60.

³³ Воронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии. С. 16.

³⁴ Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ... С. 123.

³⁵ Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. С. 247;

Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. — Ташкент: Худ. лит. 1961. С. 38, 40, 69.

³⁶ Пугаченкова Г. А. Хорасанские мавзолеи. С. 14—29.

³⁷ Булатов М. С. Геометрическая гармонизация... С. 113.

³⁸ Ахраров И. А., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба... С. 70—73.

³⁹ Ахраров А. И., Ремпель Л. И. Указ. соч. С. 73—75.

в архитектурных сооружениях начиная с XI в. — уже не наблюдается, а архитектурно-конструктивное решение заполнения углов восьмигранника подчинено строительному материалу — кирпичу.

Таким образом, по совокупности перечисленных выше признаков, имеющих аналогии с уже известными в научной литературе памятниками архитектуры, Таш-Рабат датируется нами X — началом XI в.

Что же касается принятой прежде датировки памятника XV в., то она в большей мере основывалась на отождествлении его с безымянным рабатом, описанным в рукописи XVI в. «Тарих-и Рашиди». Исследователи или цитируют источник, или ссылаются на замечание В. В. Бартольда, который говоря о деятельности могулистанского правителя XV в. Мухаммед-хана, добавляет, что ему приписывается постройка знаменитого здания Таш-Рабат. В работе А. Н. Бернштама это является единственным аргументом, в статьях специалистов по средневековому зодчеству датировка подкреплена сравнениями архитектуры Таш-Рабата со строительным искусством XV в., но лишь у Г. А. Пугаченковой названы при этом конкретные постройки. В качестве одного из датирующих признаков привлекается стиль кривых арок, но при этом не дается анализ их построения. Другим доказательством является очертание подкупольных несущих парусов, покрытых толстым слоем ганча и ошибочно принятых за «лепные сталактиты» — декоративную деталь интерьера, не имеющую конструктивного значения. Надо полагать, что здесь сказалось отсутствие натурного исследования памятника самими авторами. В работах Г. А. Пугаченковой и Б. Н. Засыпкина были использованы материалы 1940 г. М. Г. Полищука, А. М. Сутягина и В. К. Змиевского. Возможно, обмеры были выполнены недостаточно точно, т. к. определенный Б. Н. Засыпкиным на их основе способ геометрического построения «острострельчатых» (?) арок из трех центров с сопряжением двух окружностей на линиях, проведенных из середины под углом 45°, неверен — все арки и своды Таш-Рабата, как было рассмотрено выше, выводятся из двух центров, кроме перекрытия наружного входа, где наблюдается трехцентровое построение, но по другому принципу.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА

Стратиграфия

Археологические работы на памятнике с 1978 г. не проводились. Только Н. Н. Пантусовым были сделаны несколько шурфов¹, описание которых совпадает с нашими наблюдениями.

В задачу экспедиции СНРПМ входили: изучение археологической стратиграфии, установление глубины заложения и технического состояния фундамента постройки. Для получения этих данных были заложены шурфы внутри здания, выполнены стратиграфические разрезы вдоль фасадов и разведывательные борозды вблизи от стен на южном и северном склонах холма (рис. 25).

Толщина отложений в помещениях колеблется от 1 до 2,5 м в зависимости от состояния перекрытий. Верхний слой везде состоит из земли и навоза, скопившегося в результате использования развалин для укрытия скота в непогоду, нижний — завал из камней, глины и ганчевой штукатурки. На поверхности повсюду зафиксированы следы кострищ, кости животных и, изредка, отдельные части современных предметов.

В 1978 г. в центральном коридоре и зале для выявления уровня и покрытия полов были заложены шурфы. В центральном коридоре разрез шурфа показал два слоя: верхний мощностью 70 см состоит из надувной земли и навоза, нижний толщиной 20 см — из земли почти черного цвета с включениями растительного характера. Оба слоя, насыщенные камнями от разрушающихся перекрытий и кусками ганчевой штукатурки, образовались в период упадка здания. Пол из крупных каменных плит неправильной формы лежит на материковой глине. Стена покоится на каменных блоках размером в среднем 65x75x120 см, заглубленных на 67 см от уровня пола.

В центральном зале верхний слой толщиной 60—65 см состоит из навоза с включениями камней и костей животных. Кое-где встречались обломки предметов

¹ Пантусов Н. Н. Таш-Рабат... С. 16—17.

позднего времени. Толщина второго слоя, лежащего на каменном полу, 145—150 см. Он представляет собой мерзлую массу надувного грунта, навоза, остатков костров, костей животных, камней, штукатурки с редкими находками фрагментов поливной и неполивной керамики. Как и в коридоре, наслоения здесь относятся ко времени разрушения памятника.

Несколько обломков гончарной посуды лежали над полами в комнатах № 2, 4, 5 и 12. В помещении № 14 кроме фрагментов керамических сосудов в завале было найдено шесть монет². Все они плохой сохранности и неопределяемы. Лишь одна из них датируется последней третью XIII — началом XIV вв. По определению М. Н. Федорова, это серебряный дирхем, который начали выпускать после реформы Насудбека 1270 г.

В комнате № 20 под двумя каменными плитами, покрывшими всю площадь пола, были обнаружены две ямы. Первая оказалась погребом с размерами в плане 83х95 см и глубиной 1,5 м. Края его на 30 см вниз обрамлены подтесанными сланцевыми плитами. В заполнении — кости домашних животных и мелких грызунов. Плита, которой был закрыт погреб, в центре имеет два небольших отверстия для ручки. Под другим камнем находилась яма диаметром 1,15 м, выдолбленная в сланцевом грунте и засыпанная глиной с редкими включениями ганчевой штукатурки. Дно ее не зафиксировано, хотя выемка заполнения достигла глубины 4, 2 м. Производимый при ударах о дно звук создавал впечатление пустоты. Назначение ямы не выяснено. (В отчете М. К. Кубатбекова, со слов туристов, записано, что когда-то отсюда слышалось журчание воды. Возможно, это был колодец). Расчистка погреба и ямы в этой комнате не дали археологических находок. Похоже, они были засыпаны и прикрыты огромными камнями специально, возможно, уже в период упадка здания.

При расчистке помещения № 25 в глубине его под слоем мусора был обнаружен бадраб. Стенки его вырезаны в сланцевом материке по спирали на глубину 2,7 м. Заполнение состоит из глины, мелких камней, костей животных и фрагментов керамики, среди кото-

рых отметим гончарный ангобированный широкогорлый кувшин с кольцеобразными ручками возле венчика, два светильника с прозрачной коричневой поливой, неполивной чирак грубой лепной работы, два горшочка с двуслойной зеленой поливой и узкогорлый кувшин с лощением стенок желтым ангобом. Кроме этого были найдены прясла: два глиняных и деревянное с остатками разложившегося металла на стержне.

Обломки глиняных сосудов были обнаружены и на крыше, в северо-восточной ее части под слоем надувного грунта на глубине 1 м от современной поверхности. Находки представляют собой венчик и плечики сосудов с лощением, ангобированные черепки, донца и венчики кухонных котлов.

Снаружи у стен памятника были сделаны разрезы, охватившие все четыре угла и частично фасад здания включая портал.

Разрез вдоль северной стены показал три слоя, чередующиеся с прослойками сланцевого щебня (рис. 26 Б). Общая толщина их увеличивается с востока на запад от 70 до 200 см. Под дерновым слоем толщиной 30 см лежит прослойка сланцевого щебня на наносах грунта бурого цвета (30—45 см), под ним снова щебеночная прослойка толщиной 10 см на сером надувном слое мощностью до 1,2 м, ниже — желтая глина (обратная засыпка фундамента). Стены северо-западного угла опираются на скальный грунт. Подошва фундамента от уровня древней дневной поверхности находится на глубине 1,2 м и выше отметки пола примыкающего помещения на 2,5 м. Здесь под дерном (20 см) и слоем надувного грунта (30 см) обнаружена подпорная стенка длиной 3,5 м и шириной 50 см. Стенка высотой 70—85 см из камней на глиняном растворе осуществляет перепад высот (65 см). Дополнительно она служила для отвода атмосферных вод от северной стены здания. С открытой восточной стороны стенка доверху была занесена золой с включениями древесного угля.

Начиная, примерно, от середины сланцевое основание под фундаментом северной стены постройки переходит в глиняное. Глубина заложения фундамента ее здесь относительно уровня пола достигает 50 см. Подошва фундамента угловой северо-восточной башни находится на глубине 20 см от уровня древней дневной поверхности. Сама башня опирается на четырехугольное каменное основание высотой 60 см.

² Кубатбеков М. К. Археологические работы на памятнике архитектуры Таш-Рабат в 1978 г.: Отчет о полевых исследованиях // Текущий архив СНИИМ Мин. культуры КиргССР.

Вдоль северной стены в 3—5 м от здания была проложена борозда шириной 6,5 м. Длина ее 43 м, глубина в западном конце 70 см, в восточном — 15 см. Разрез показал семь слоев, мощность которых нарастает к заднему фасаду. Это дерновый (до 10 см) и гумусный (до 15 см) слой на надувном грунте серого цвета, толщина которого достигает 20 см. Затем идущая клином от подпорной стенки зола на прослойке желтой материковой глины, протяженностью 7 м и толщиной до 10 см, ниже — темный коричневый слой (до 10 см) и наносы сероватой глины (30 см) на скальной породе. Очевидно, при подготовке площадки под строительство лишний грунт выбрасывался за ее пределы на задернованную поверхность, где со временем образовался слой коричневого перегноя с прослойкой желтой материковой глины поверху. Раскопки здесь не дали археологического материала.

Толщина культурного слоя вдоль восточной стены составляет 1,20—1,25 м. Сверху дерн — 20 см, ниже — наслоения грунта с включениями сланцевых камней, упавших со стены, и костей животных. Под ним 1—3-сантиметровая прослойка золы с остатками древесного угля, которая лежит на глинистом материке и соответствует уровню древней дневной поверхности. На этой глубине найдены обломки двух хумов с косточками урюка на дне. Основание открывшейся в результате раскопок суфы (общей высотой 60—80 см) опущено от уровня древней дневной поверхности на 15—20 см. Надземная фасадная часть ее оштукатурена ганчевым раствором. Вследствии просадки стены наружный край суфы приподнят.

Перед входом в здание под культурным слоем толщиной 80 см обнаружено мощение крупными булыжными и сланцевыми камнями неправильной формы с уклоном в сторону от памятника.

Разрез траншеи у юго-западного угла и вдоль всей южной стены показал два слоя, общая толщина которых увеличивается к заднему фасаду постройки от 45 до 150 см (рис. 26 А). Верхний дерновый слой в западном конце разреза равен 50 см, в восточном — 20 см. Подстилающий слой наносов грунта желтовато-серого цвета меняется от 100 до 25 см. В его толще встречаются корни растений и камни, упавшие со стены. Затем следует чистая желтая глина без каких-либо включений — обратная засыпка котлована на 50—170 см.

Верх ее соответствует планировочному уровню древней дневной поверхности. Фундамент стены от отметки пола находится на глубине 50 см. Камни, скрепленные ганчевым раствором лежат на материковой глине.

На южном склоне холма в 5 м от стены здания была проложена разведывательная траншея шириной 10 м, которая захватила часть могильника. Длина раскопа 40 м, глубина 1,6—2,0 м. Культурный слой на этом участке очень перемешан, т. к. нарушен многочисленными захоронениями. Профиль траншеи состоит из слоев, мощность которых, как и в северной траншее, нарастает к западу от 85 до 185 см. Это — дерн (до 20 см) и гумус (до 20 см) на подстилающем слое надувного грунта сероватого цвета (от 10 до 50 см), затем прослойка желтой глины (5—15 см) на слое темно-коричневого цвета (20 см), ниже — наносы серого грунта (от 10 до 50 см) на материковой желтой глине.

В 10 м от здания обнаружен арык. Длина его в разрезе траншеи 1,7 м, глубина 60 см. Заполнение — растительный слой, сумус, наносная глина толщиной 24 см. След арыка, который виден вдоль западного и южного фасадов здания, видимо, служил для отвода атмосферных вод.

В юго-восточной части траншеи в дерновом слое наклонно и плотно друг к другу, под углом к зданию, лежали камни упавшей башни. По характеру их размещения в слое видно, что нижняя часть башни рухнула большой массой и сравнительно недавно, т. к. в работе Н. Н. Пантусова, датированной 1902 г., юго-восточная башня упоминается как существующая³. Под камнями находится черный слой гумуса (15—20 см) с включениями сланцевого щебня и корней растений на подстилающем слое серой глины. Ниже — коричневая глина (20—40 см), затем — желтая материковая. Здесь же, в восточном конце траншеи в 3 м от стены на слое коричневой глины зафиксирована щебеночная линза протяженностью более 20 м и толщиной в средней части 40 см. По-видимому, здесь обрабатывались камни для постройки, и щебеночная прослойка представляет собой отходы каменотесного производства, а ее нижняя отметка дает уровень древней дневной поверхности в момент строительства. Археологические находки лежат здесь над щебнем и поэтому относятся к периоду эксплуатации здания.

³ Пантусов Н. Н. Таш-Рабат. С. 18.

Южный раскоп дал наибольшее количество находок. Все они представлены керамикой. Материал лежал на глубине от 40 до 150 см от современной поверхности, причем, большая часть его находилась на глубине от 50 до 80 см в восточном конце траншеи. Всего здесь обнаружено 48 обломков керамических сосудов, из них 24 фрагмента венчиков, донышек и стенок с ручками или орнаментом. Остальная керамика представляет собой стенки сосудов и неопределима. Раскопки с южной стороны от памятника вскрыли несколько захоронений, одно из которых было обследовано еще в 1978 г. Это подобная могила с вертикальной засыпанной камнями шахтой глубиной около 1,5 м. Погребальная камера соединялась с шахтой перешейком в 1 м. Дно дромоса и подбоя находилось на одном уровне, высота свода у входа 50 см. могила вытянута в направлении С—Ю. Костяк мужской, лежал головой на север, лицо повернуто на запад. Кости не кальцинированы, на черепной коробке жирное вещество. Погребального инвентаря не было.

В разрезе борозды, заложенной в 1980 г., обнажались ямы шириной от 1,0 до 1,40 с вертикальными стенками. Верх их находился под дерновым слоем, глубина ям — 1,1; 1,5; 2,1 м, заполнение — смесь щебня с глиной. Как считает Б. В. Помаскин, это шахты мусульманских могил, которые, по сведениям А. М. Фетисова, принадлежат дунганам, погибшим здесь в 1877 г.⁴

Еще одна могила представляла собой яму шириной 5 м и глубиной 1,30 м с глиняным заполнением. В нижней части ее раскрыты две погребальные камеры. Одинаковый уровень заложения погребальных камер, однородность слоя в самой яме и на ее поверхности свидетельствуют об одновременности захоронения. Возле этой могилы с восточной стороны под растительным слоем находился зольник, возможно, относящийся к захоронению. Протяженность его в разрезе траншеи 5 м, толщина в средней части 10 см.

Все погребения относятся к позднему времени. Однако ряд подбоев имел выстилку из средневекового жженого кирпича размером 27x14x4 см, привезенного для этих целей специально, т. к. в округе Таш-Рабата кирпичных построек нет. Поэтому данные А. М. Фети-

⁴ Помаскин Б. В. Отчет о работах полевого сезона 1980 г. на памятнике архитектуры Таш-Рабат // СНРПМ Мин. культуры КиргССР. л. 12—13.

сова о могильнике могут быть связаны либо с его возникновением или относятся только к части захоронения (невероятно, чтобы дунгане-беженцы везли с собой строительный материал).

Таким образом, появление средневекового кирпича в поздних могилах и возникновение обширного могильника вокруг памятника в условиях его удаленности от населенных пунктов подтверждают сообщения русских исследователей о почитании таш-рабатских развалин.

Вещественный материал и его датировка

Раскопки на Таш-Рабате дали небольшое количество археологического материала, причем, снаружи только со стороны главного фасада и юго-восточного угла. В траншеях керамика лежала в слоях II-го яруса на уровне древней дневной поверхности. Внутри здания несколько фрагментов обнаружено в заполнении бадраба и в помещениях на полах и выше. На крыше обломки сосудов были извлечены из слоя поздних наносов грунта.

Керамика представляет собой комплекс бытовой посуды в разнообразных формах: кухонные котлы, узкогорлые и широкогорлые кувшины, хумчи, горшочки, чаши, чираги и пряслица. В массе керамики встречается лепная, станковая и комбинированной лепки (рис. 27).

Кухонные котлы тонкостенные, плоскодонные с шаровидным туловом и слабо отогнутым наружу венчиком. Ручки полулунные и полукруглые, горизонтальные. Они прилеплены к плечу котла, либо по всей дуге и украшены пальцевыми вмятинами, либо только концами. Эти ручки аналогичны таким же элементам на котлах керамического комплекса VII—VIII вв. из цитадели Краснореченского городища и кокмардановского комплекса из Южного Казахстана⁵, а также керамике VIII—X вв. из Семиречья⁶. Толщина стенок котлов 5—12 мм, ширина устья от 15 до 25 см (рис. 27 30—40).

Кувшины узкогорлые представлены фрагментами венчиков, горла и частично плечиков, снаружи покры-

⁵ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII вв.) — Алма-Ата: Наука, 1986. С. 62. Рис. 14, 24, 30.

⁶ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе: АН КиргССР, 1959. С. 39. Табл. VI, 9, 11.

ты светлым и желтым ангобом. Венчик слабо отогнут наружу, профилирован. Ширина устья от 7 до 10 см, толщина стенок 7—12 мм (рис. 27, 20, 21).

Широкогорлые кувшины имеют округлое тулово, плавно переходящее в невысокое горло. Венчики отогнуты наружу, иногда украшены волнистыми процарапанными линиями или рисунком штампом. Три фрагмента кувшинов с удлинённым плечиком. На одном сохранились две петлевидные ручки, возле венчика. По стенкам нанесены волнистый (из двух пересекающихся линий) и гребенчатый рисунки. Такая техника нанесения орнамента с помощью гребенки и различных видов штампов отличается в гончарном производстве для поселений Семиречья и Южного Казахстана в X—XII вв.⁷

Чаша в форме полусферы на дискообразном поддоне выполнена на гончарном круге. Высота ее 8 см, диаметр по верху — 13 см. Стенки украшены гребенчатым рисунком (рис. 27, 13).

Хумчи лепные со светлым ангобом снаружи. Венчики не имеют шейки и сильно отогнуты наружу. Профили — подтреугольный и миндалевидный с врезанным по внешней стороне желобком. Подобные венчики зафиксированы в комплексе керамики VI—VIII вв. на городищах Чуйской долины⁸.

Горшки гончарные. Два неполивных открытого типа представлены отдельными фрагментами венчика и стенок с доньшком. Тулова шарообразные, без шейки. Высота не установлена, толщина стенок 4—5 мм, ширина устья 9 см. Эти сосуды находят аналогии среди станковой керамики X—XII вв. Семиречья⁹. Два других горшочка покрыты двухслойной зеленой поливой: верхний слой темно-зеленый, нижний — голубоватый и яркий светло-зеленый. Высота археологически целого сосуда 8 см, ширина устья 6 см, толщина стенок от 3 до 6 см (рис. 27, 24, 25). Распространением поливной керамики, в частности с зеленой блестящей поливой, для Семиречья и Южного Казахстана отмечено в IX—начале XIII вв.¹⁰

⁷ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959. С. 53—55, табл. XIII, 1, 5, 8.

⁸ Там же. С. 33—34.

⁹ Там же. С. 58. Табл. XV, I.

¹⁰ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 104, 120.

Чираги. Один неполивной, грубой лепки, массивный, неорнаментирован. Два других покрыты прозрачной светло-коричневой глазурью. Резервуарчики конические без вертикальных желобков с вытянутым носиком и петлевидной, граненной в сечении ручкой, которая завершается листовидной пятой с рельефным орнаментом в виде растительных завитков. Такие формы глазурованных чирагов типичны для Караханидского периода и имеют аналогии со светильниками из коллекции, собранной на городищах Чуйской долины¹¹.

Тесто для всей керамики розовое, средней и хорошей отмучки, для котлов с примесью кварца и речного песка, для кувшинов с примесью дресвы и иногда речного песка. Обжиг в основном ровный, но встречаются пережженные и недообожженные слоящиеся черепки.

Согласно приведенным выше аналогиям и по заключению археологов Института истории АН Киргизской ССР В. Д. Горячевой и Д. Ф. Винника, весь набор посуды характерен для местного керамического производства периода от VIII до XII вв. Отдельные фрагменты (рис. 27, 14) относятся к более ранней керамике, привезенной из западных районов Средней Азии.

Итак, раскопками на Таш-Рабате выявлен только один строительный период. Здание стоит на материковых слоях: северо-западным углом оно опирается на скальный грунт, остальные стены покоятся на глинистом материке. Под постройку специально подготавливалась площадка, для чего с холма была срезана часть грунта. При планировке территории вокруг здания после строительства растительный слой и строительный мусор были покрыты грунтом, в результате чего со временем образовался, зафиксированный стратиграфией, промежуточный слой перегноя. Возле юго-восточного угла памятника находилась площадка для тески камня, что дало здесь прослойку сланцевого щебня переменной толщины. Для отвода атмосферных вод от здания были предусмотрены арык и подпорная стенка. Других инженерных и подсобно-хозяйственных сооружений на территории памятника нет.

¹¹ Байпаков К. М. Средневековая городская культура... С. 112; Бернштам А. Н. Чуйская долина // Тр. Семиреченской археологической экспедиции. — МИА — М; Л: Изд-во АН СССР. № 14. С. 137. Табл. XII, 4, 8, 10.

Стратиграфия показала небольшой культурный слой, лежащий на чистых материковых породах. Малая мощность его свидетельствует о кратковременности использования здания по назначению, а также о постоянном выдувании и сносе частиц. Это иллюстрируется увеличением толщины слоев от главного фасада к заднему и скоплением золы возле подпорной стенки.

Археологическое визуальное обследование окружи Таш-Рабата исключает раннесредневековое поселение как на месте памятника, так и поблизости от него, поэтому весь найденный археологический материал относится к периодам эксплуатации и упадка здания. Наличие однотипной керамики X—XII вв. на полах и в нижних слоях завала и ее малочисленность свидетельствуют о непродолжительном функционировании Таш-Рабата, а отсутствие археологических находок последующих периодов — о его многовековом запустении.

Наличие керамики на уровне древней поверхности показывает, что пологий склон холма с юга от здания в древности не был местом захоронения. Могильник с выступающими над растительным слоем каменными кольцевыми выкладками и подступающий вплотную к стене Таш-Рабата образован лишь в прошлом столетии. Кладбище на северном крутом склоне, обозначенное едва приметными холмиками, удалено от памятника метров на 20 и осталось необследованным.

Таким образом, принятая некоторыми предшествующими исследователями датировка Таш-Рабата XV в. не подтвердилась. Архитектурно-археологическим изучением памятника установлено, что он был построен на рубеже X—XI вв. в традициях средневекового зодчества Средней Азии.

Непродолжительная эксплуатация постройки сменяется периодом ее разрушения. В течение двух-трех столетий (с X до XIII в.) здание было возведено, обжито и разрушено, после чего ни разу не ремонтировалось. Отсутствие археологических находок, датируемых последующими веками говорит о том, что место это не пользовалось популярностью. Покинутое здание, прежде чем стать приютом для случайных спутников, долгое время остается заброшенным. Согласно письменным источникам и нашим наблюдениям, с середины XIX в. и до настоящего времени Таш-Рабат служит объектом поклонения религиозной части мусульманского населения, а его территория — местом захоронения.

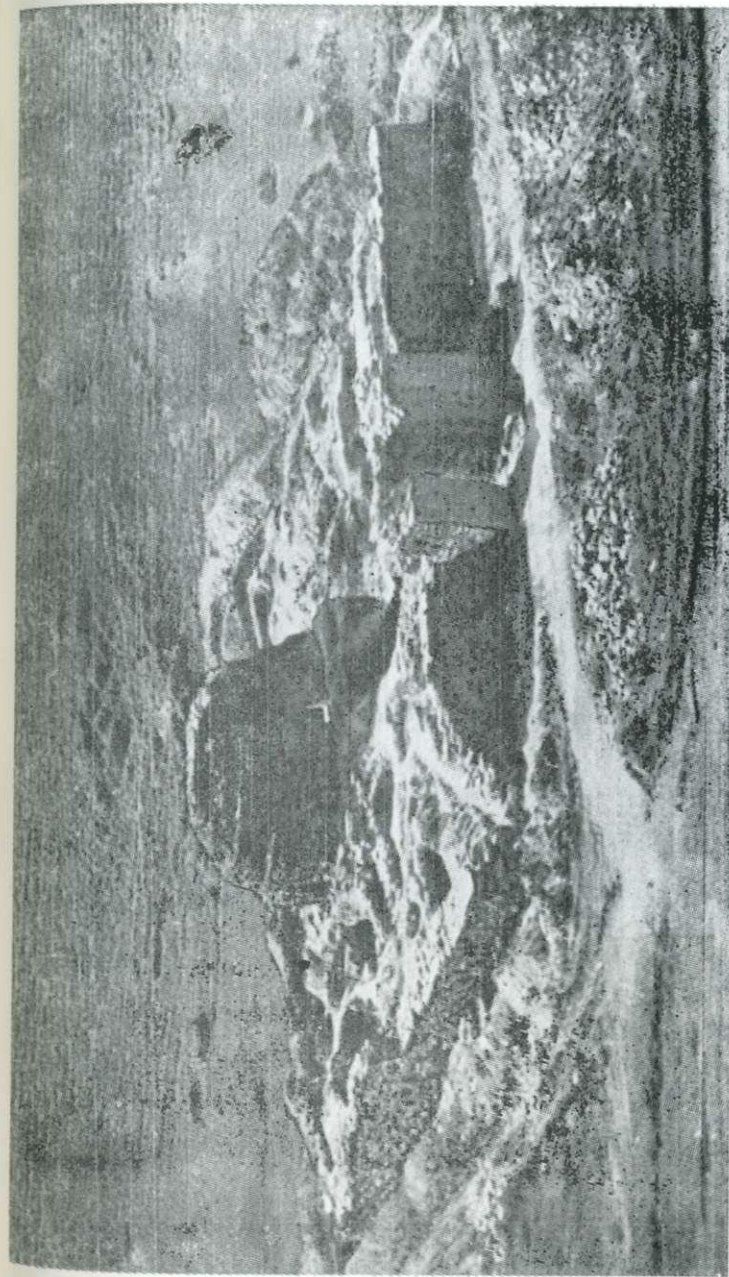

Рис. 1. Таш-Рабат (общий вид в процессе раскопок).
Все фотографии выполнены в 1980 г. Л. А. Филимоновым.

Рис. 2. Таш-Рабат (внешний вид с севера до начала раскопок).

Рис. 3. Портальная арка. Вход в здание.

Рис. 4. План стен и полов.

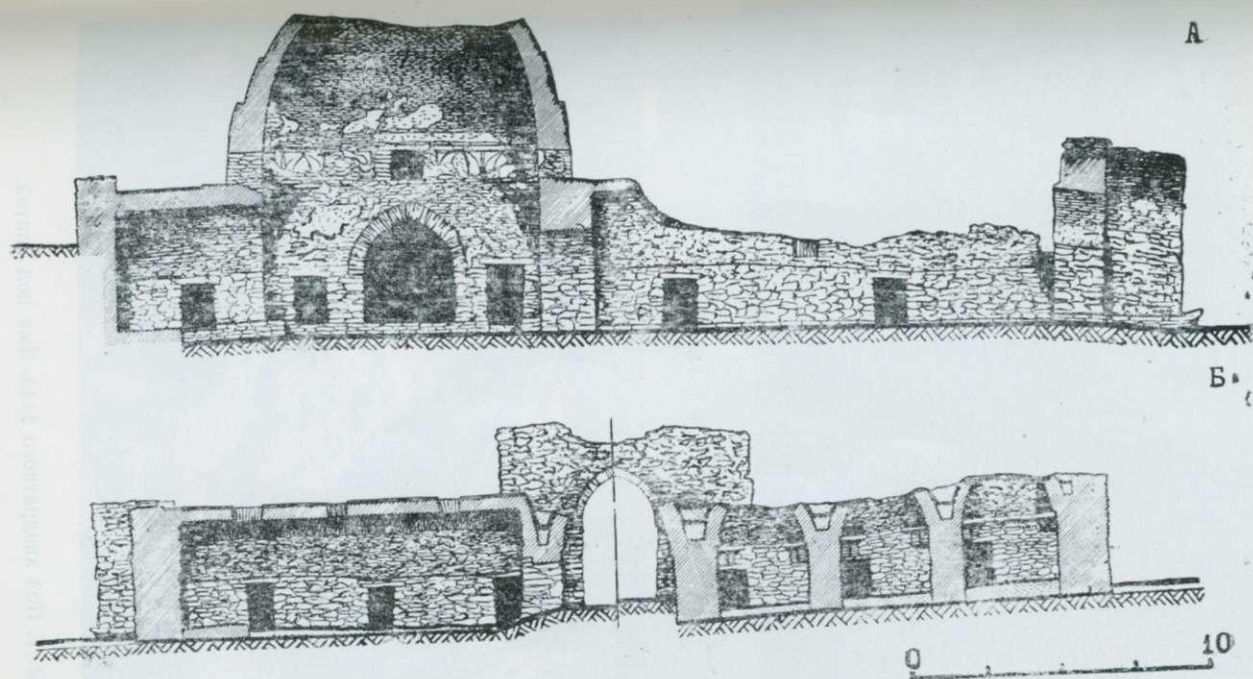
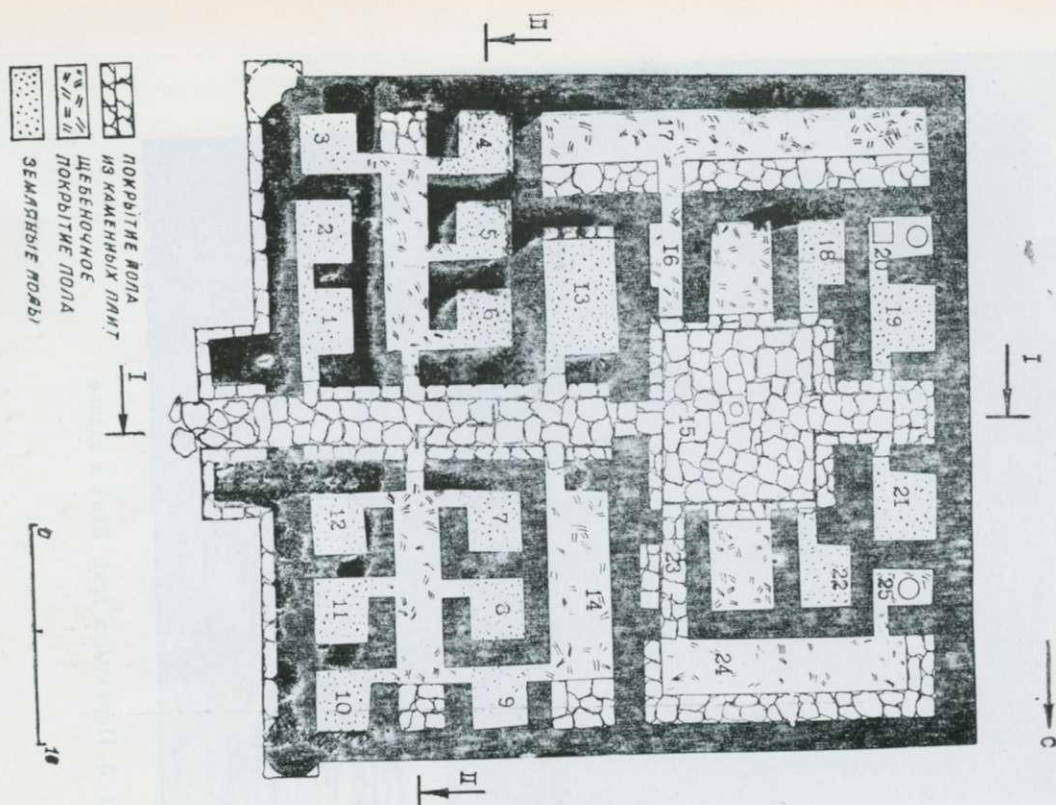

Рис. 5. Разрезы: А продольный (З—В); Б поперечный (сложный; С—Ю).

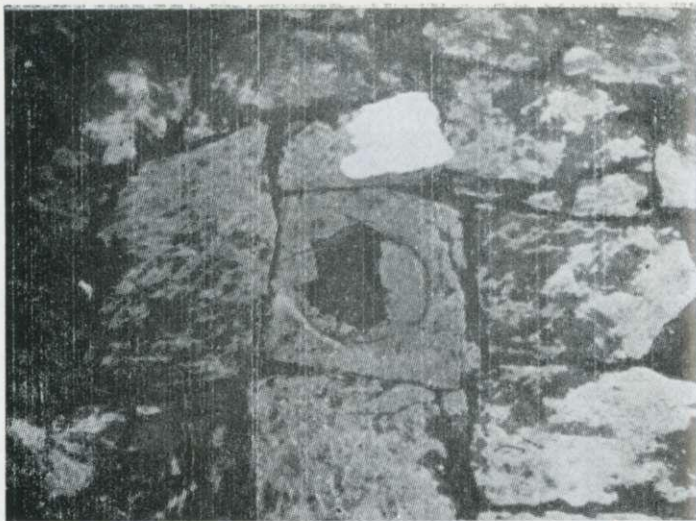

Рис. 6. Пол квадратного зала.

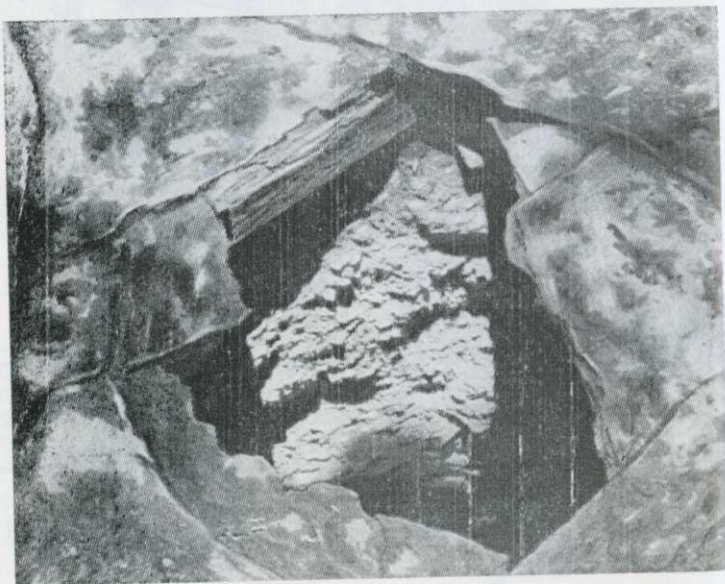

Рис. 7. Пол квадратного зала. Яма под плитой.

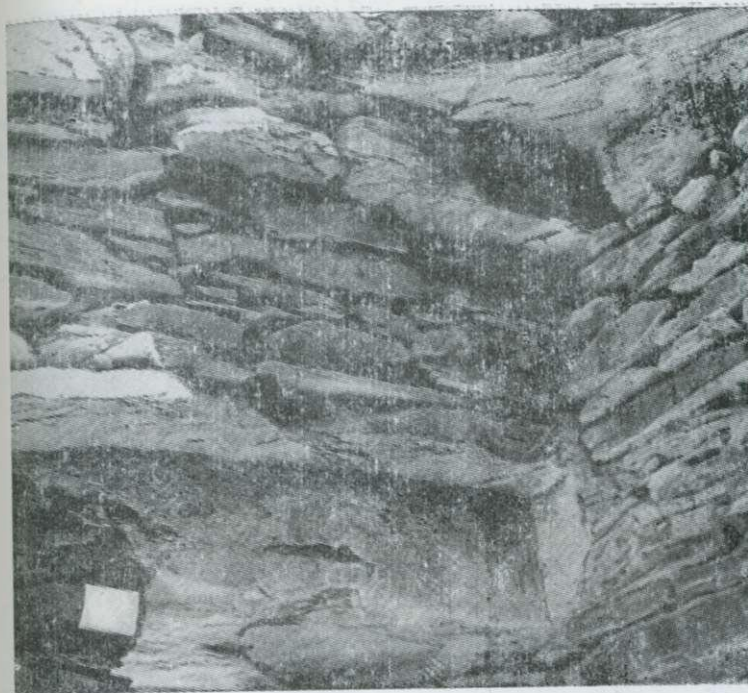

Рис. 8. Помещение № 2. Подкупольные конструкции.

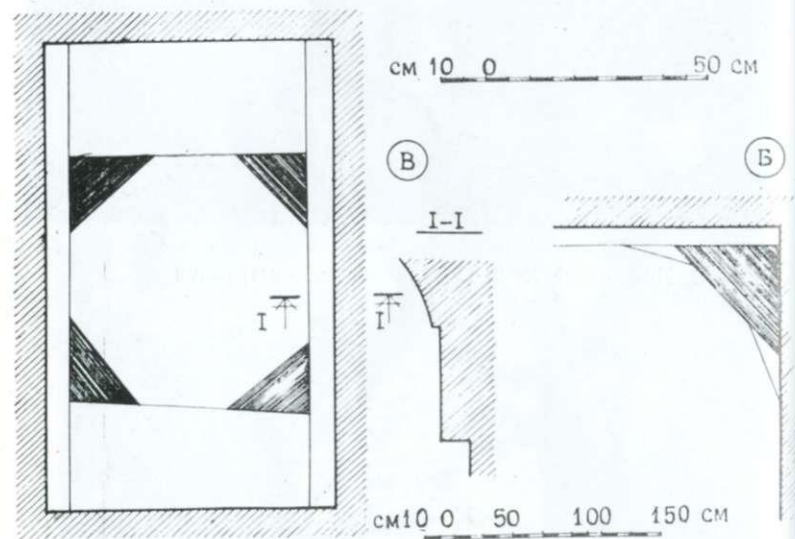

Рис. 9. Подкупольные конструкции:

А общий вид паруса в помещениях № 7—12.

Б план комнаты № 20 на уровне подкупольных конструкций.

В план паруса в помещениях № 7—12.

Рис. 10. Лестница на крышу.

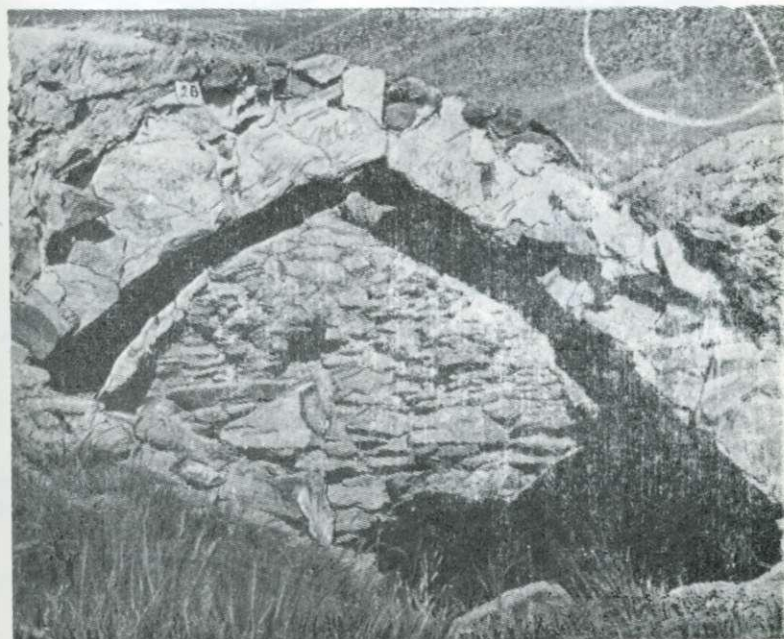

Рис. 11. Свод, выполненный способом «отрезков».

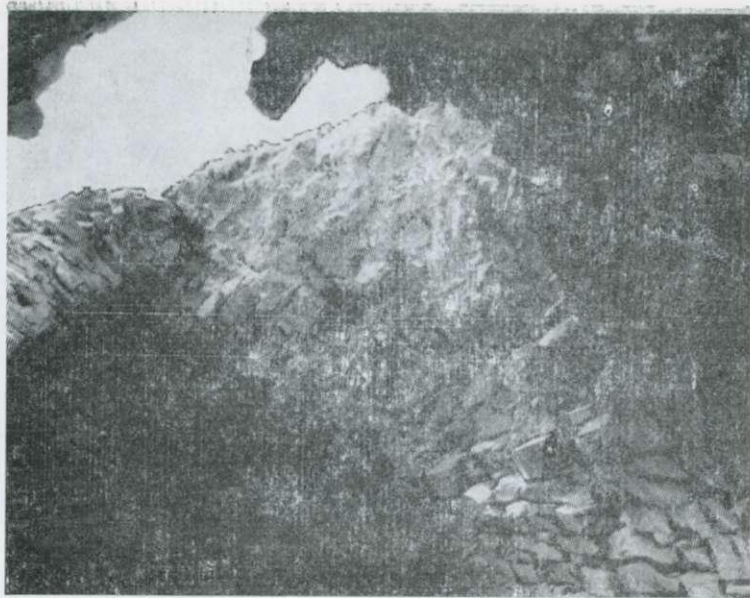

Рис. 12. Свод, выполненный клинчатой кладкой.

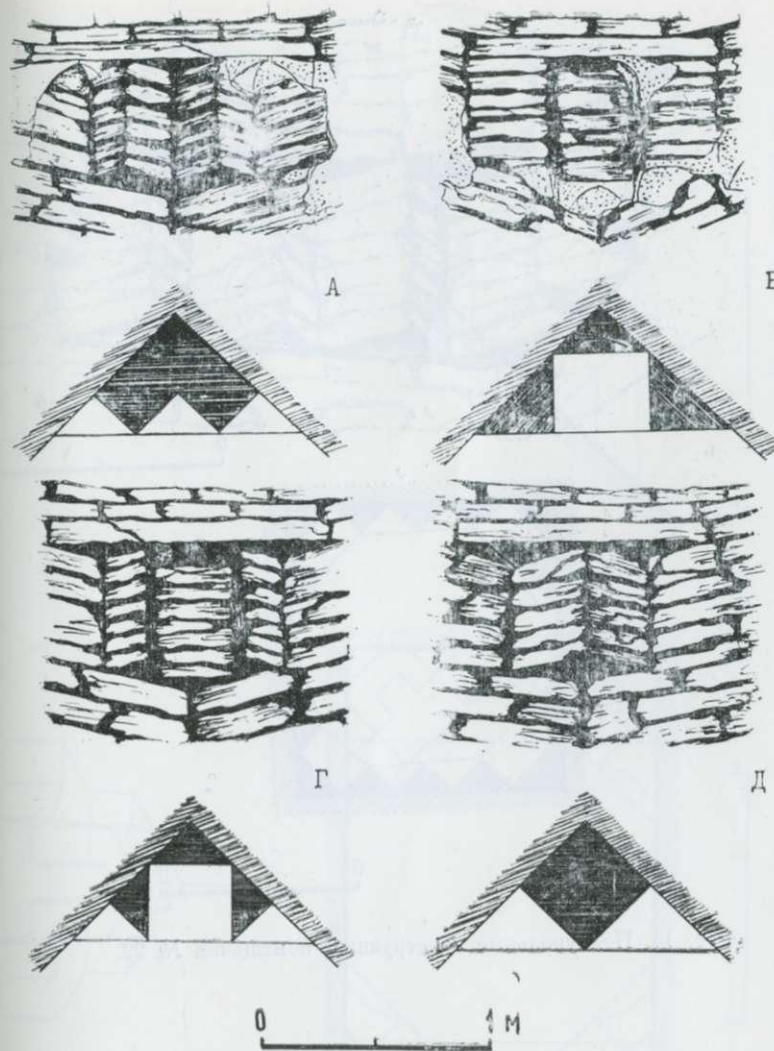

Рис. 13. Подкупольные конструкции. Выступающие консольные паруса:

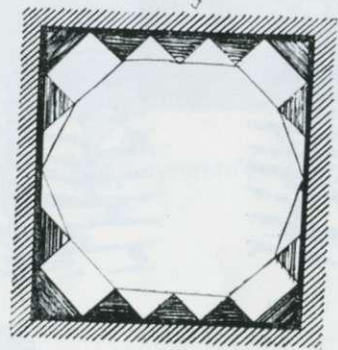
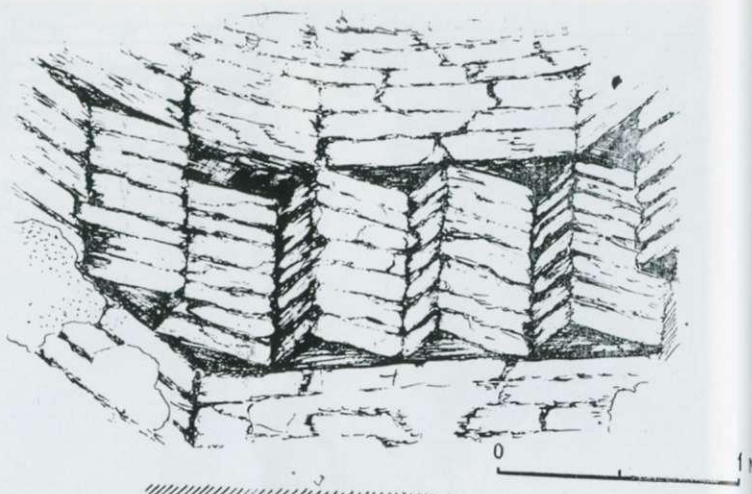
А помещения № 4—6.

Б помещения № 21.

Углубленные консольные паруса:

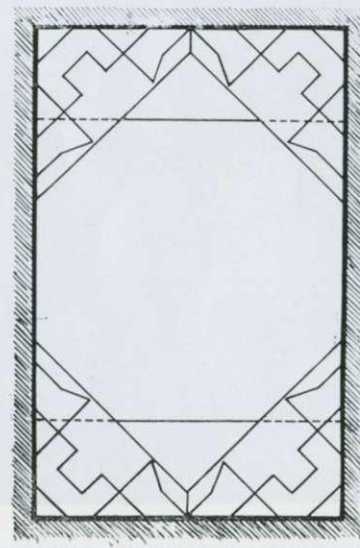
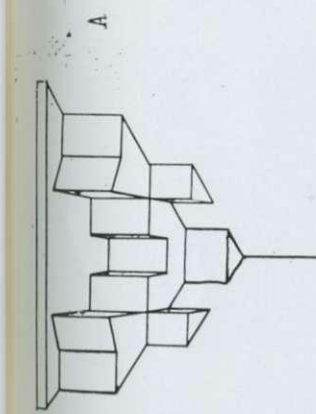
В помещения № 1—3.

Г помещения № 18, 19.

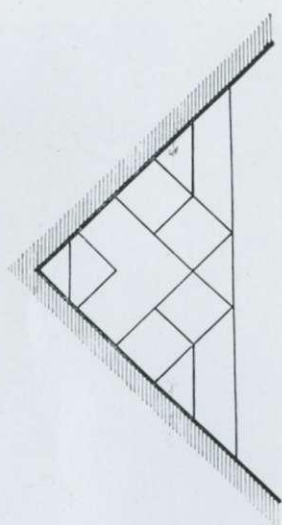
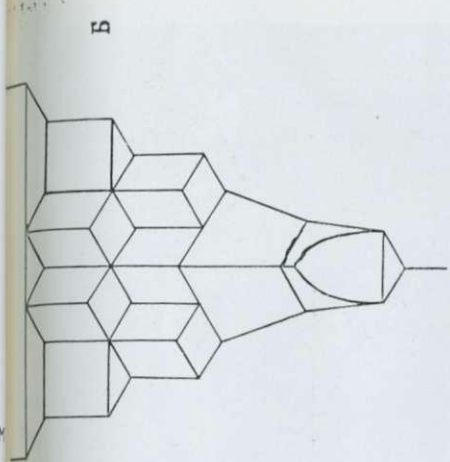

0 1 2 м

Рис. 14. Подкупольные конструкции помещения № 22.

0 1 2 3 м

0 1 2 м

Рис. 15. Консольные паруса (частичная реконструкция): А помещение № 13. Б квадратный зал.

Рис. 16. Подкупольные конструкции квадратного зала.

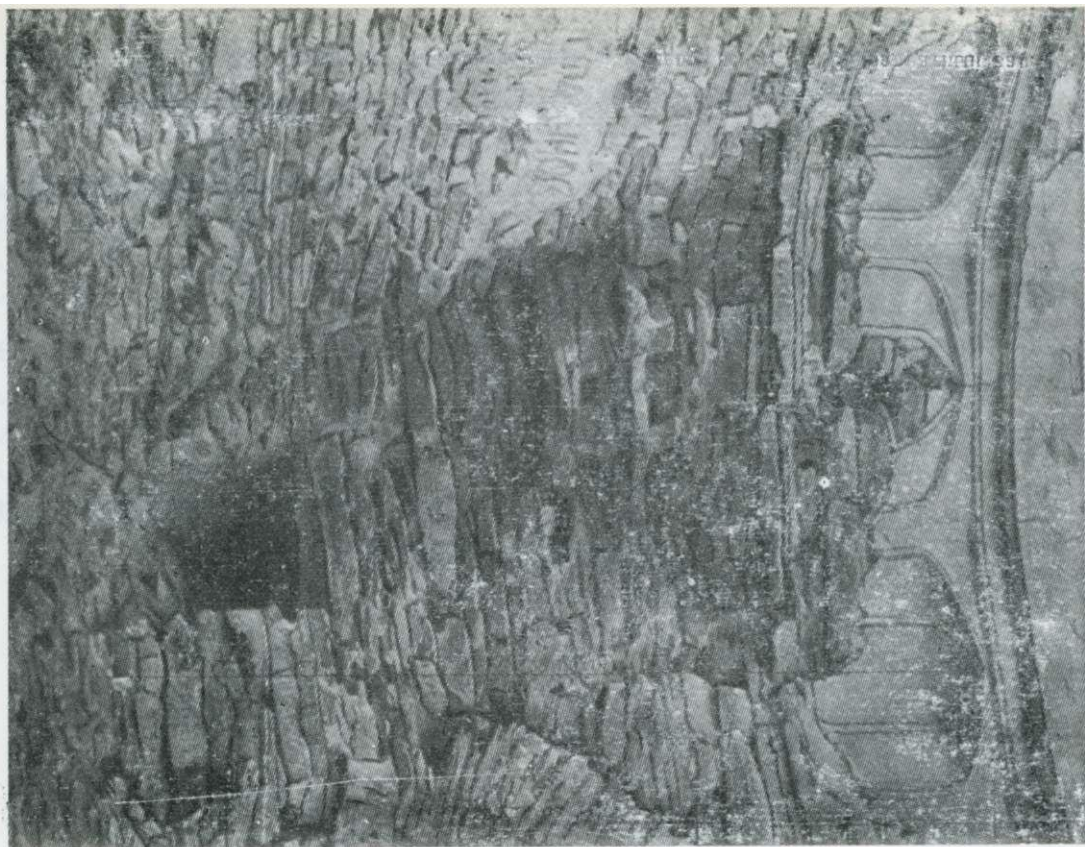

Рис. 17. Подкупольные конструкции квадратного зала. Тромп с граненой оболочкой в углах грани: *слева* — остатки декоративного столбика; *справа* — насечки на штукатурке для «примораживания» детали на растворе.

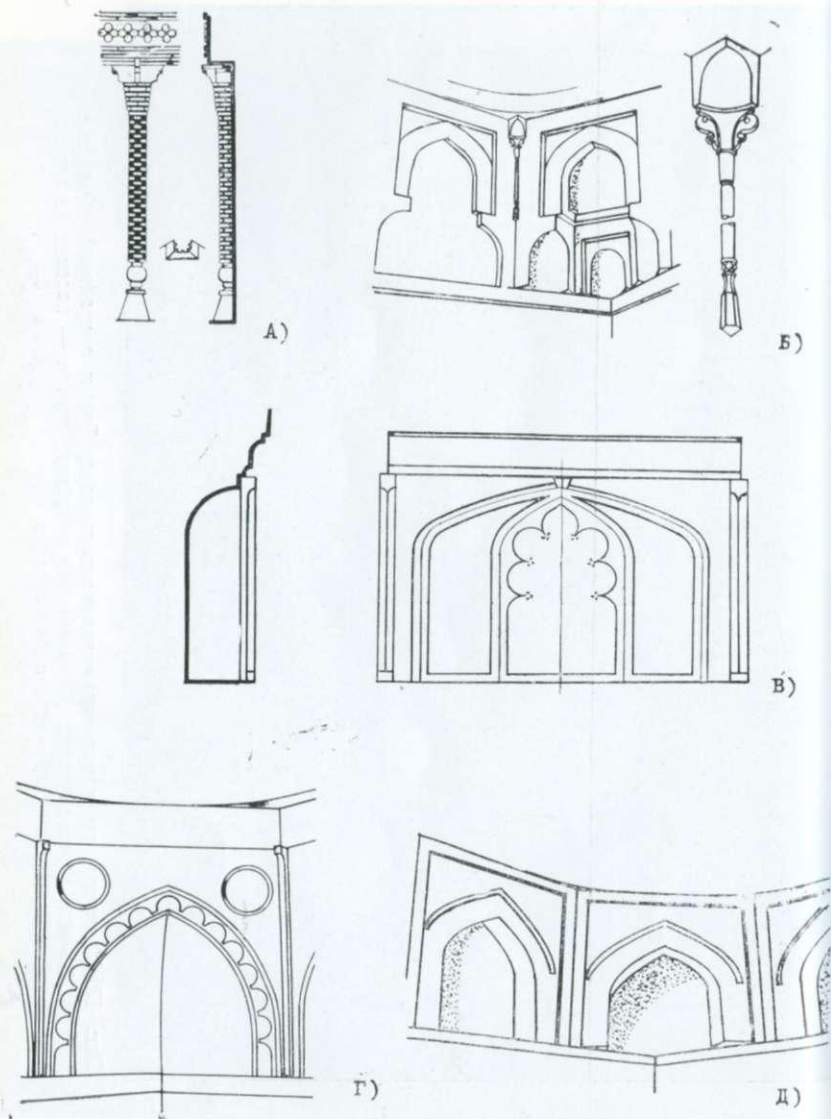

Рис. 18. Изменение формы колонок пояса тромпов в архитектурных памятниках:

А мавзолей Саманидов в Бухаре (IX в.).

Б мавзолей Араб-Ата в Тиме (X в.).

В Таш-Рабат, квадратный зал (X — начало XI в.).

Г мавзолей Шах-Фазиль в Сафид-Булане (середина XI в.).

Д мавзолей XI в. в комплексе Султан-Саадат в Термезе.

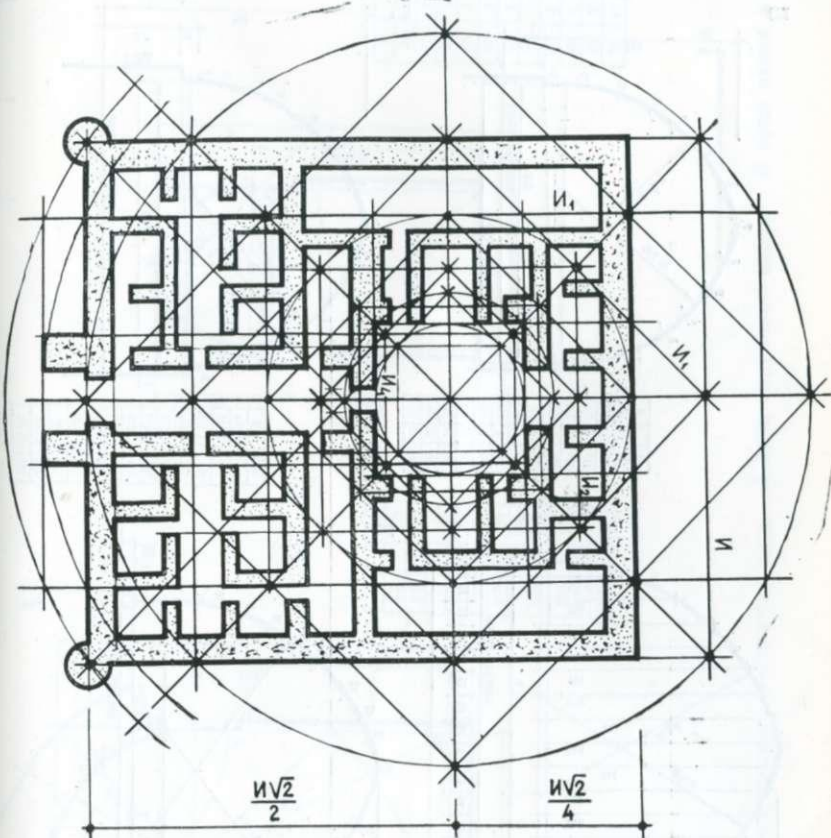

Рис. 19. Анализ геометрического построения плана.

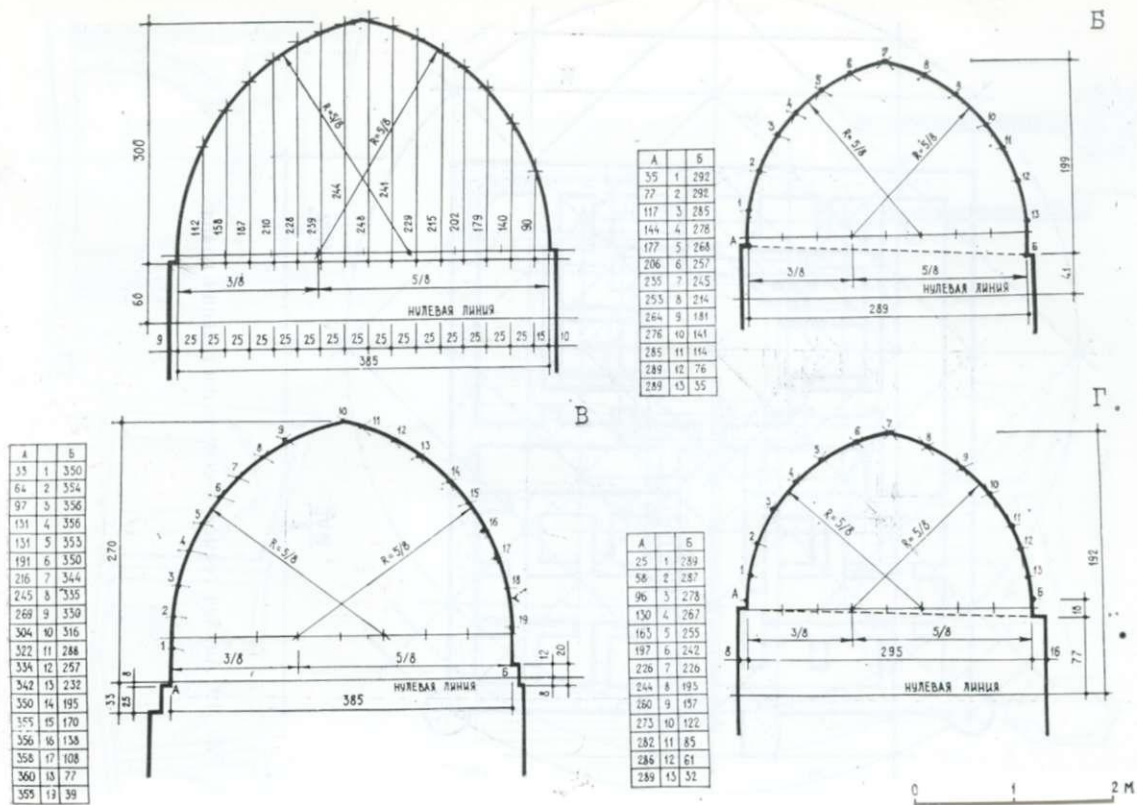

Рис. 20. Анализ геометрического построения сводов в Таш-Рабате. А свод помещения № 24. Б свод

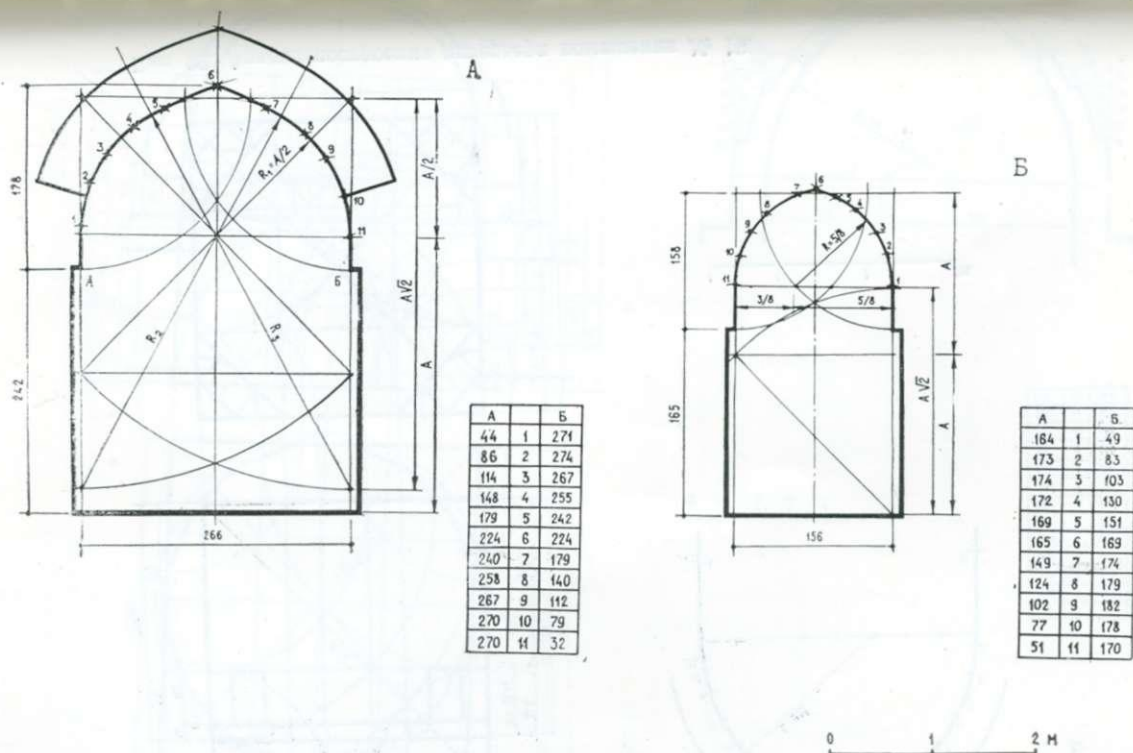
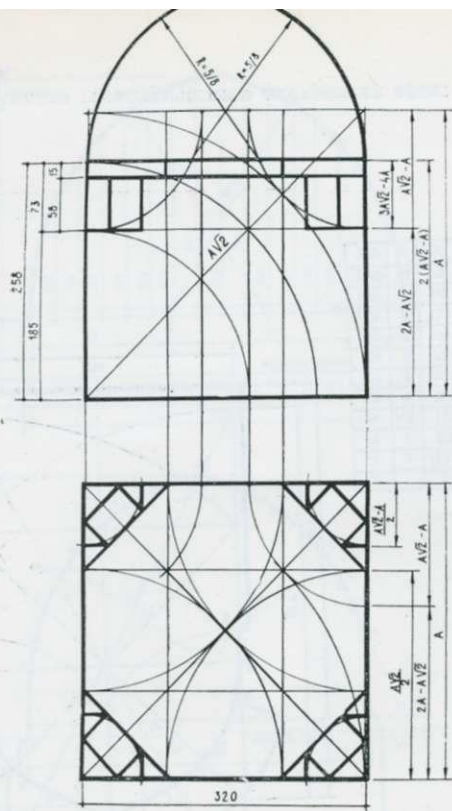
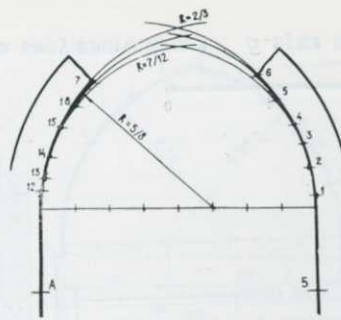

Рис. 21. Анализ геометрического построения арок: А арка наружного входа. Б арка входа в зал.

A

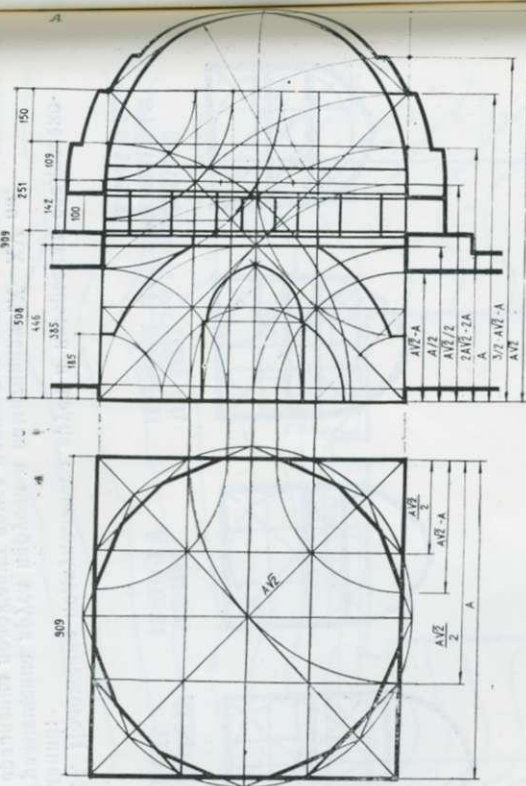

Б

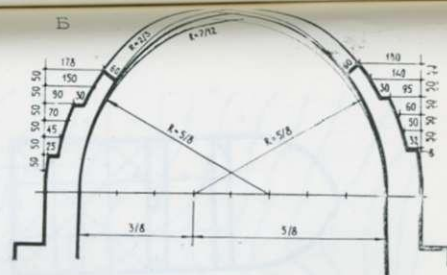
A	B
338	1 110
334	2 141
348	3 169
350	4 192
352	5 224
352	6 257
245	7 352
214	8 351
190	9 350
154	10 346
130	11 340
116	12 340

0 1 2 3 м

Рис. 22. Анализ построения интерьера помещения № 19.

Б

0 1 2 3 4 м

Рис. 23. Анализ построения интерьера квадратного зала

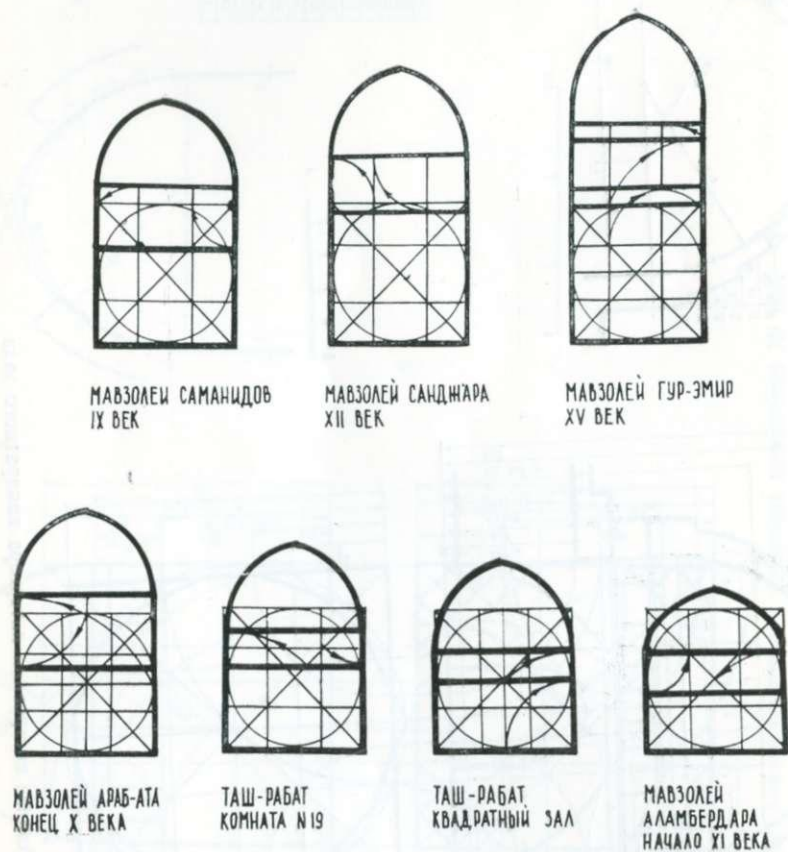

Рис. 24. Положение подкупольного яруса в интерьерах средневековых зданий:

А размещение яруса парусов в памятниках IX—XV вв.

Б сравнение положения яруса парусов в интерьере Таш-Рабата с памятниками X—XI вв.

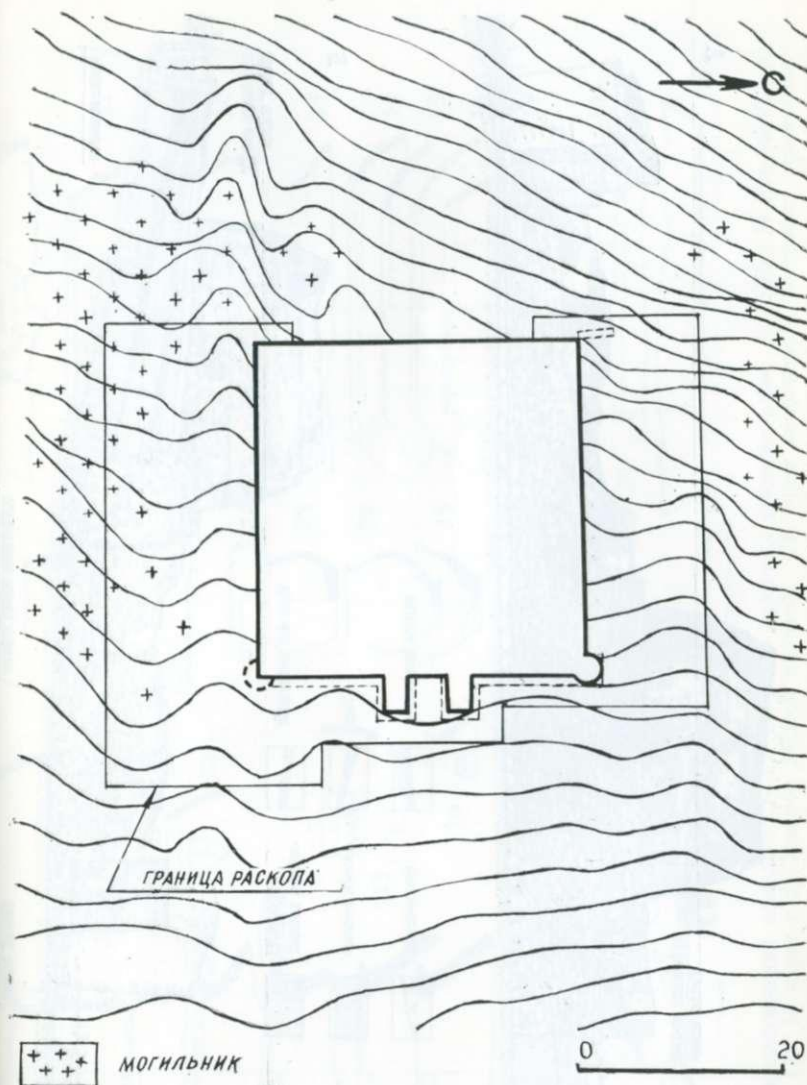

Рис. 25. План раскопа.

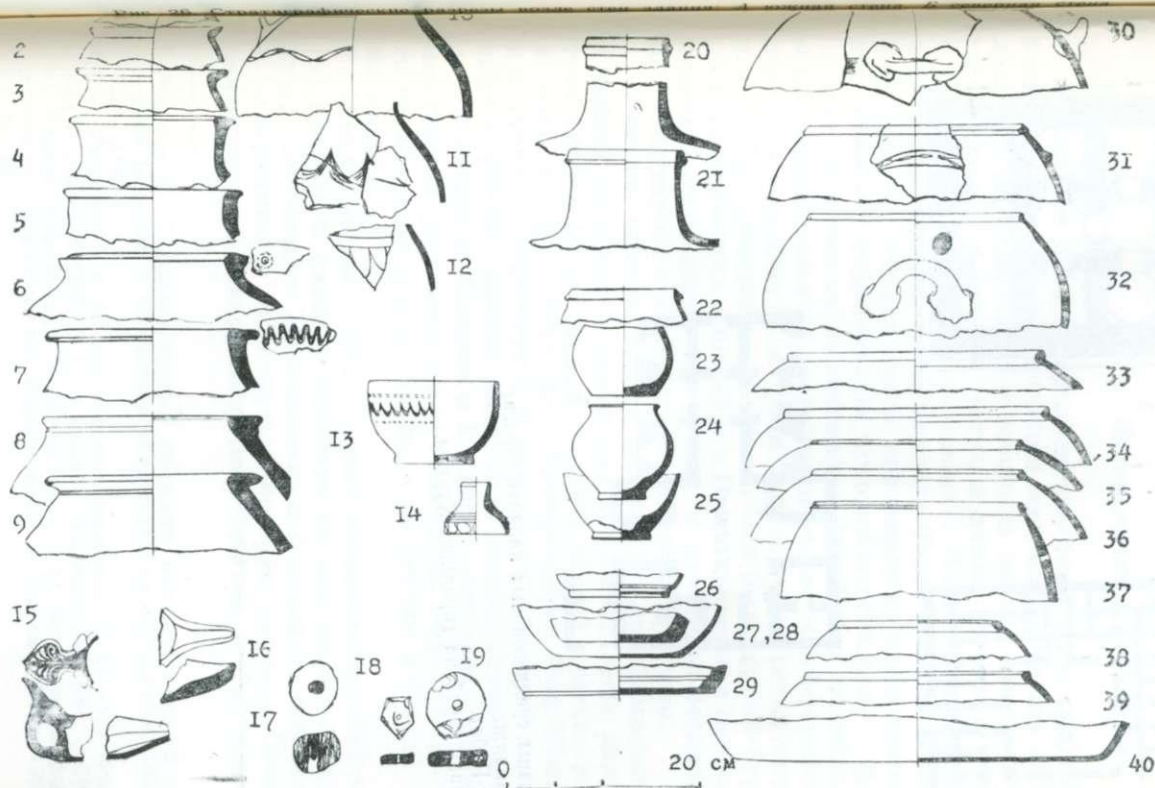
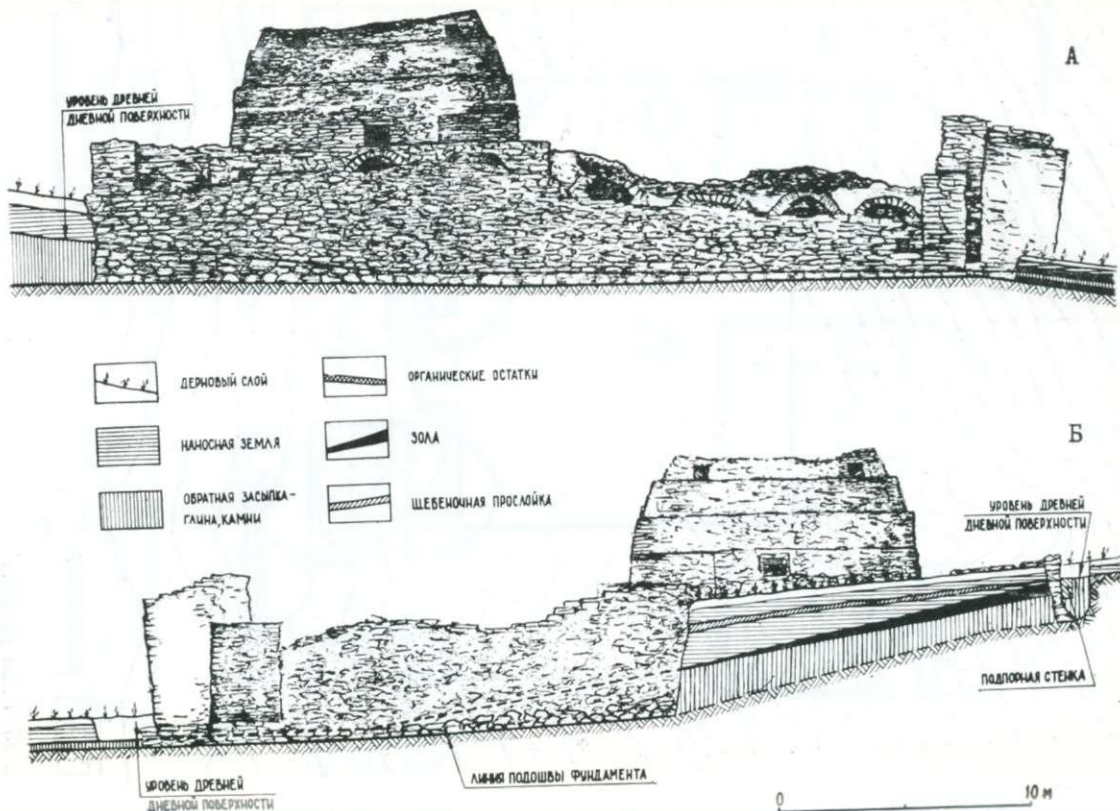

Рис. 27. Археологический комплекс: 1—7, 10—12 — кувшины широкогорлые; 13 чаша; 14 подставка под светильник (?); 15 чиряг с прозрачной желтой поливой; 16 чиряг неполивной; 17 прясло деревянное; 18, 19 прясла керамические; 20, 21 — узкогорлые кувшины; 22 — крышкообразный сосуд; 23 горшочек неполивной; 24, 25 горшочки с зеленой поливой; 26—29 днища сосудов; 30—40 котлы.

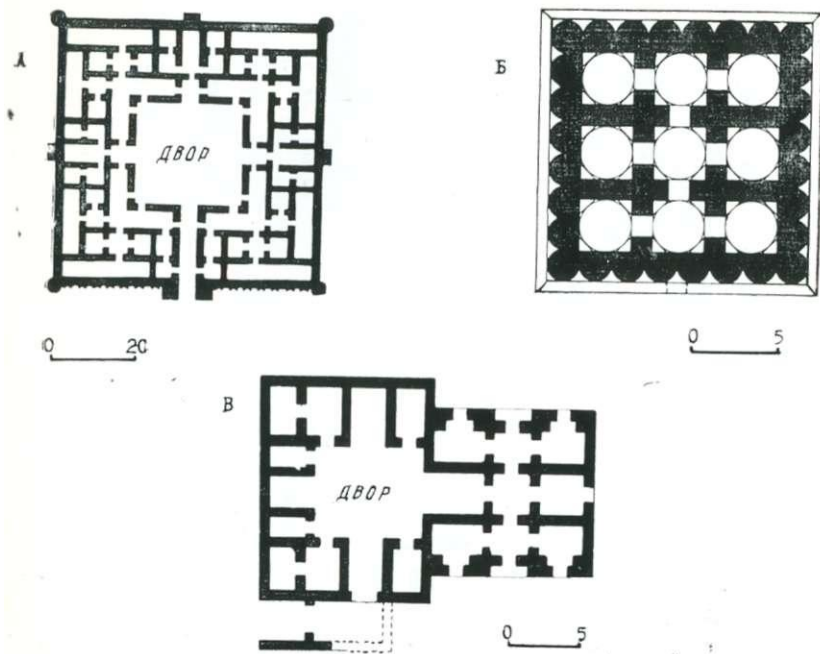

Рис. 28. Планы средневековых караван-сараев:
А Тахмаладж.
Б Кёшк-Рабат.
В Караван-сарай на городище Куртлы.

III. К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ТАШ-РАБАТА

Историческая ситуация

Раскрытие смысла архитектурного образа требует возможно полного привлечения всех исторических сведений об эпохе, в которой возникло данное произведение зодчества в данном месте, в данное время и при определенных местных условиях¹. Поэтому, подходя к решению вопроса о назначении Таш-Рабата и к пониманию его объективного содержания, перенесемся в ту эпоху, ту цивилизацию, которая его создала.

Как явствует из изложенного, Таш-Рабат появился и функционировал на территории только что оформившегося в середине X в. феодального государства тюрков — Караханидского каганата. Это было время бурных политических событий и в Притяньшанье и период наивысшего подъема экономики и культуры феодальных государств средневекового Востока в целом.

Уже на ранних этапах развития Караханидского каганата (во времена правления родоначальника династии Сатук-Богра-хана и его сына Мусы) в состав его входила юго-восточная часть Центрального Тянь-Шаня и Восточный Туркестан². В результате захватнических войн тюркские каганы расширили границы своих владений вплоть до Хорезма и Хорасана, Амударья и нижнее течение Сырдарьи стали границами Караханидского каганата на юге и западе, а Монголия и Китай — на востоке.

Междоусобные войны, однако, вскоре (после 1041 года) привели к распаду каганата на две части: западную, включавшую Мавераннахр и Фергану (с центром в Самарканде) и восточную, в которую входили Семиречье, область Шаша, восточная Фергана и Кашгария.

¹ Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник (заметки к постановке вопроса) // Сов. археология. 1954. Вып. XIX. С. 43.

² См.: Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. С. 41—47; История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984, С. 291. О. Кареев. Караханиды до оформления западного и восточного каганатов // Киргизия при Караханидах. — Фрунзе: Илим, 1983. С. 10—49.

Политическим и культурным центром этого ханства были Тараз, Баласагун, Кашгар и Узгенд.

Все последующее время характеризуется серией междоусобных столкновений, сменой верховных и уделных правителей. Столицы двух каганатов переходили от одного кагана к другому. Этим нестабильным положением внутри Караханидского каганата воспользовались Сельджуки и в 1089 г. Малик-шах захватывает Мавераннахр, а владетель Баласагуна и Кашгара — Богру-хан Харрун признает вассальную зависимость от тюрок-сельджуков.

Однако уже через четыре десятилетия Притяньшань завоевывают кара-кытай, основавшие в северных пределах Тянь-Шаня новое государство — Западное Ляо. Верховная власть переходит к гурханам кара-кытаев (киданей), а власть караханидских правителей становится номинальной. Политическое господство кара-кытаев, однако, не повлияло на культурную жизнь каганата. Династия их правила вплоть до 1210—1212 гг. — до нового разгрома государства и истребления караханидской династии хорезмшахом Мухаммедом. Он разорил города, подорвал экономику страны, а вскоре пришедшие монгольские завоеватели довершили начатое хорезмшахом. Лишь немногие из городов Семиречья впоследствии смогли подняться из руин. Исключение составляют Тарсакент, Баласагун, Каялык и Ашпара³.

Время политического господства Караханидов на Тянь-Шане сопровождалось важными изменениями в социально-экономической жизни страны. Это начавшийся еще в VI—VII вв. процесс урбанизации Сев. Киргизии, получивший чрезвычайную широту, сложение феодальных отношений, своеобразие которых в раннем средневековье определялось двумя основными событиями: во-первых, продвижением сюда с Алтая и Центральной Азии массы тюркских племен, создавших свою государственность и, во-вторых, формирование здесь оседло-земледельческой и городской культуры, связанным с интенсивным переселением согдийцев⁴.

Феодализация общества, развитие производительных сил, оседание кочевников, успешное завоевание обширных областей Средней Азии способствовало эко-

номическому развитию, расцвету градостроительства и ремесел.

Как и на всем Востоке, в Караханидском каганате важное место занимала торговля. Через эти земли проходили трассы Великого Шелкового пути, причем все они связывали развитые страны Востока и Запада. Вдоль этой трансконтинентальной торговой магистрали шла бойкая жизнь, возникали торговые фактории и караван-сарай, вырастали города и ремесленные производственные центры.

С изменением территориальных границ расширилась и сфера культурных взаимовлияний, что четко отражается во всех видах материальной и духовной деятельности. В городах и селениях строятся великолепные по тому времени здания общественного и культового назначения, создаются шедевры литературного и устного народного творчества, расцветают науки и искусство. В среде тюркской аристократии Притяньшань появляются энциклопедист, лингвист и этнограф Махмуд Кашгарский, поэт и мыслитель средневекового Востока Юсуф Баласагунский, творчество которых протекало во второй половине XI в. Целая плеяда ученых, философов и священнослужителей зафиксирована в многочисленных локальных памятниках эпиграфики арабо-персоязычной письменности в городах Баласагуна (городище Бурана), Навеката (Краснореченское городище), Узгенда и других средневековых городов Караханидского каганата⁵.

Но Центральный Тянь-Шань — труднодоступный горный край сравнительно спокойно переживал политические бури каганата. Он оставался по-прежнему районом скотоводства, что объясняется малой пригодностью почвенно-климатических условий для земледелия⁶. Глубоких сдвигов в развитии феодальных отношений по сравнению с предшествующим временем не

³ Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена XII—XX вв. // Киргизия при Караханидах. — Фрунзе: Илим, 1983. С. 140—192; Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Сафид-Булана XII—XIV вв. // Эпиграфика Востока. Вып. XXII. — Л.: Наука, 1984. С. 61—72; Джумагулов Ч. Язык сиротюркских (несторианских) памятников Киргизии. — Фрунзе: Илим, 1971; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. — Фрунзе: Илим, 1987. Вып. 3.

⁶ Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии. VI-начало XIII вв. С. 58.

³ История Киргизской ССР. Т. I. С. 590.

⁴ История Киргизской ССР. Т. I. С. 219.

произошло. Атбаш (современный Кошой-Коргон) оставался городом-ставкой тянь-чаньских удельных князьков (тегинов) и застройка его внутри сырцовых оборонительных стен оставалась в основном юрточной. Оживленной была лишь трасса Великого Шелкового пути, по которой шли караваны купцов, дипломатов и религиозных миссионеров.

Важное политическое и культурно-историческое значение имело принятие Караханидами ислама — религии халифата и всего переднеазиатского Востока. С 960 г., как повествуют письменные источники, новую религию правящая династия Караханидов насаждала силой. Первыми мусульманами стали жители городов Тараза, Баласагуна и Кашгара, а затем и остальных городов и селений, где начали строить культовые здания ислама, а христианские церкви превращать в мечети⁷. Притяньшанье включилось в общее русло духовной и художественной культуры народов Средней Азии, хотя одновременно наблюдался и обратный процесс — тюркизация населения и усиление тюркских элементов в культуре этого обширного региона.

Однако ислам не исчерпывал духовно-религиозные представления среднеазиатских народов в пору средневековья и наряду с мусульманством в тюркских каганатах продолжали бытовать прежние мировые религии — зороастризм, манихейство, несторианское христианство, а также местные языческие культы⁸.

Из истории христианских общин Тянь-Шаня

Письменные источники свидетельствуют о большой веротерпимости тюркских каганатов в раннем средневековье, не было это явление исключением и для некоторых уделов Караханидского каганата. Так, о сущест-

⁷ Волин С. Л. Сведения арабских и персидских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районов // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 80—83.

⁸ Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов у памирцев (1) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. — М.: Наука, 1981. С. 116; История Киргизской ССР. Т. 1. С. 332—337; См.: Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. — М.: Искусство, 1971. С. 129; Кляшторный С. Г. Древнетюркские надписи как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. С. 98.

вовании манихейства в Семиречье сообщает путешественник IX в. ан-Недин⁹. Манихеи жили в Самарканде, в Таразе, Ордуkenте (городище Ак-Бешим) и в Навекате (Краснореченское городище)¹⁰.

Проникновение ислама не могло окончательно вытеснить и христианства. В Кашгаре и Самарканде — столичных городах восточного и западного каганатов находились образовавшиеся там еще в VIII в. митрополии¹¹.

О широком распространении христианства на территории Караханидского государства свидетельствуют многочисленные находки несторианских надмогильных кайраков. К настоящему времени насчитывается около десятка пунктов, где встречены несторианские гальки с крестами и сирийскими эпитафиями¹². Это селение Ургут Самаркандской области, окрестности селения Мазар, близ развалин городища Алмалык, современный Джамбул (Тараз), два крупных средневековых кладбища в районе г. Фрунзе (городище Кара-Джигач) и г. Токмака (городище Бурана); Краснореченское городище; урочище в 8 км западнее селения Покровское (Сливкино) в 40 км от г. Пржевальска и Таш-Рабат, где по сведениям Н. Н. Пантусова в 1901 г. был найден «надгробный камень с сирийской надписью»¹³.

Дальнейшая судьба этого камня, оказавшегося единственным свидетельством в пользу толкования Таш-Рабата как обители христиан, неизвестна. Но, если проследить историю восточного христианства и пути распространения этого учения, то станет ясно, что находка несторианского кайрака в горах Тянь-Шаня не случайна, как не случайно и влияние христианства в странах Ближнего и Среднего Востока в эпоху ислама.

Массовое движение сирийских христиан на восток

⁹ См.: Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. — М.: Искусство, 1971. С. 129; Кляшторный С. Г. Древнетюркские надписи как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. С. 98.

¹⁰ Горячева В. Д. Город золотого верблюда. — Фрунзе: Илим, 1988.

¹¹ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. Т. 2. — М.: Восточная литература, 1964. С. 290.

¹² Массон М. Е. Происхождение двух несторианских надмогильных галек Средней Азии // Обществ. науки Узбекистана. — Ташкент: Фан, 1978. № 10. С. 53; Полная справка о находках несторианских кайраков дана в работах Джумагулова Ч. Язык сиротюркских (несторианских) памятников Киргизии: Эпиграфика Киргизии. Вып. 3.

¹³ Пантусов Н. Н. Таш-Рабат... С. 21.

и, в частности, в Среднюю Азию отмечается в три периода¹⁴. Первое было связано с переселением части христиан из восточных провинций Римской империи, когда христианство там еще не стало официальной религией и последователи этого учения подвергались гонениям. Второе переселение произошло в середине V в., после отделения восточной или сирийской церкви от православной. В результате раскола еретики — сторонники направления, получившего название несторианства (по имени константинопольского патриарха Нестория) вынуждены были бежать от преследований за пределы страны. Третья волна широкого проникновения сирийцев на Восток начинается с X—XI вв., во времена так называемого «сирийского ренессанса», когда подъем сирийской христианской культуры влил новые силы в христианские общины Центральной Азии.

Христианское учение распространилось по двум направлениям, совпадающим с важнейшими международными торговыми путями: в Индию, страны Юго-Восточной Азии, в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и Китай. Отправными пунктами миссионерской деятельности несториан на Востоке были несторианский монастырь на острове Харк в Персидском заливе и древний Мерв, где сохранились остатки христианских построек.

Нередко прибытие миссионеров только довершало оформление церковной организации в тех местах, куда христианское учение проникло задолго до них. В Тохаристане, Семиречье и в Китае следы распространения христианства прослеживаются задолго до первых упоминаний о миссионерах¹⁵. Через Семиречье, исторически связанное с Восточным Туркестаном, проходили важнейшие пути, соединявшие Среднюю Азию с Дальним Востоком: один на Аксу и Кучу, другой — в Турфанский оазис.¹⁶ По тем же направлениям шло распространение христианства на Восток. Тюркские племена: карлуки и уйгуры, подчинив себе эти области зас-

тали здесь христианское население¹⁷. Установлено, что в Восточном Туркестане общины появляются уже в V—VI вв. Проникновению христианского учения на восток до границ Китая способствовала согдийская колонизация. Многочисленные фрагменты христианских текстов на согдийском языке, найденные в Восточном Туркестане, свидетельствуют о том, что среди согдийских купцов и колонистов было много христиан, в основном последователей несторианского толка¹⁸.

В конце IX—X вв. христианство на Востоке переживает период временного упадка, хотя в притяньшаньской Уйгурии христианские общины удерживали свои позиции¹⁹, в Мавераннахре это учение, хотя и не окончательно, было вытеснено исламом, но в Семиречье, как свидетельствуют археологические данные, христианские общины продолжают свое существование²⁰.

С X—XI вв. начинается третий период в истории восточного христианства, ознаменованный широким проникновением сирийцев на Восток. Возрождение несторианской церкви в Восточном Туркестане было обусловлено, по мнению А. Б. Никитина, следующими причинами: с одной стороны это расцвет сирийской христианской культуры на западе, активизация миссионерской деятельности и приток ближневосточных христиан (миссионеров и торговцев) в Центральную Азию, с другой стороны — появление новых государственных объединений у кочевых народов Центральной Азии, нуждавшихся в идеологической системе, которая соответствовала бы достигнутому ими уровню политического развития. Христианство, считает А. Б. Никитин, вполне отвечало такой потребности²¹. В начале XI в. его принимают монголоязычные кeraitы, в XII в. — найманы, а также тюркские народы — тангуты, гузы и чигили²².

Следовательно, район, где построен Таш-Рабат, уже с раннего средневековья был населен христианами, таким образом, предположение Н. Л. Зеланда и Н. Н. Пан-

¹⁷ Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии... С. 127.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Там же. С. 133.

²⁰ Горячева В. Д. Город золотого верблюда. — Фрунзе: Илим, 1988. С. 62—75.

²¹ Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) С. 133.

²² Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. С. 285.

¹⁴ Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. — М.: Наука, 1984.

¹⁵ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. Т. 2. Ч. 2. — М., 1964.

¹⁶ Кляшторный С. Г. Древнерунические надписи как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука. С. 98.

тусова о возможном проживании в здании группы несториан исторически оправданы, так как подкрепляется сведениями письменных источников и данными научных исследований.

Понятно, что во время правления Караханидов христианство занимало подчиненное положение по отношению к исламу, однако письменные источники отмечают, что «в стране к северу от Тянь-Шаня христиане менее страдали от религиозных войн Богру-хана и его преемников». О христианах, живущих в местности Бай, между Аксу и Кучей, в X в. упоминает Абу-Дулеф²³. В XII в. в Кашгаре — культурном и религиозном центре мусульманского государства — восстанавливается пришедшая было в упадок митрополия²⁴.

О христианских постройках, существующих в пределах Тянь-Шаня сообщают средневековые письменные источники и материалы научных экспедиций XIX—XX вв. в Восточном Туркестане. По сообщению Гардизи, в середине XI в. две христианские церкви были в Хотане²⁵. О существовании несторианской церкви в Кайлаке в середине XIII в. пишет Гильом Рубрук²⁶. В одном из текстов христианской рукописи (по предположению А. Б. Никитина, фрагмент хроники) есть сведения о создании христианской общины и строительстве часовни христианской общины Карашара²⁷. Экспедицией А. Лекока в 1905 г. в Булайыке, в северной части Турфанского оазиса были обследованы христианское святилище в Хочо VII—IX вв., превращенное позже в манихейский храм, а также руины несторианского монастыря, функционировавшего в IX—X вв.²⁸

В свете этих данных, там представляется возможным выявить историческое ядро легенды о строительстве Таш-Рабата религиозной общиной, которая нам, как и Н. Н. Пантусову, кажется правдоподобной. Легенды и предания всегда были в поле зрения историков и археологов. Значение их для исторических исследований

²³ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. С. 287.

²⁴ Никитин А. Б. — С. 132 со ссылкой на Messina G. Cristianismo, buddhismo, manicheismo nell' Asia antiqua. — Roma, 1947. S. 73, 85—86.

²⁵ Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии... С. 131.

²⁶ Там же... С. 130.

²⁷ Там же... С. 132.

²⁸ A. Le Coq. Buried treasures of Chinese Turkestan. Hong Kong Oxford University press. — N. — Y. — Melbourne, 1985. pl. 8; pl. 9.

отметил в специальной работе крупнейший археолог и видный историк материальной культуры Туркестана, основатель среднеазиатской археологической школы М. Е. Массон²⁹.

Первое, на что указывает легенда — это время появления здания. «Назад тому много лет, когда кара-киргизы были еще не правоверными, а поклонялись огню, поливая его салом и совершая поклонение перед светильниками...». Действие, по легенде происходило в то время, когда ислам еще не стал официальной религией на Тянь-Шане, то есть до 960 г. Таким образом, время строительства Таш-Рабата, согласно преданию, определяется не позднее X в., что совпадает с выводами архитектурно-археологического исследования памятника.

Далее в тексте называются мастера, построившие здание («чужеземцы»), указывается их родина («из Рима») и народность («племени арабов»). Кроме того, есть прямое указание на то, что это была религиозная община, возглавляемая образованным наставником («умный человек с людьми, по религии ему подчиненными»). Здесь же дана краткая характеристика веры пришельцев: «и исповедывали они не ту религию, какая была у кара-киргизов». Какой же веры эти люди? Ответом на вопрос, по-видимому, может служить упомянутый Н. Н. Пантусовым «надгробный камень с сирийской надписью», который в августе 1901 г. подобрал возле Таш-Рабата урмийский протоирей Мишак Абрамов³⁰.

Таким образом, согласно преданию, строительство здания можно связать с пришедшими из Восточных провинций Римской империи сирийцами, которые как народность с IV—V вв. н. э. оказались разорванными между двумя государствами: Восточно-Римской империей и Ираном. В этом положении они просуществовали до арабского завоевания³¹. Поэтому слова таш-рабатской легенды «из Рима, племени арабов» можно понимать и так: выходцы из Римской империи, подчиненной арабами.

²⁹ Массон М. Е. Больше внимания народным легендам // Изв. АН Туркм. ССР. — Ашхабад: Ылым, 1980. Вып. 1. С. 73—76.

³⁰ Пантусов Н. Н. Таш-Рабат... С. 21.

³¹ Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. — М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1956. С. 159—168; Она же. Сирийские источники по истории народов ССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 5.

Следующим важным, на наш взгляд, сообщением является то, что здание община построила своими силами и в короткий срок. А поскольку для возведения такого сооружения требовались специальные знания и навыки, то среди прибывших на Тянь-Шань людей должны были находиться квалифицированные мастера строительного дела. Это обстоятельство вполне вероятно, так как в Средней Азии уже в раннем средневековье находили приют мастера из Сирии, Месопотамии и Византии, в силу религиозных убеждений преследовавшиеся у себя на родине и в Иране. Кроме того, при строительстве потребовалось немало дерева и в конструкции парусов зала (по 18 балок в каждом углу), и для устройства кружал и подмостей при возведении сводов и куполов. А так как Таш-Рабат расположен в местности, на десятки километров лишенной леса, то напрашивается вывод, что вместе с мастерами сюда были доставлены и некоторые строительные материалы. Следовательно, появление общины в ущелье Таш-Рабат было *специальной миссией*.

Эту мысль как-будто подтверждает дальнейшее повествование, раскрывающее *цель этой миссии и назначение постройки*. «Поселившись в нем, они стали учить народ, живущий в этой местности и давать приют нуждающимся».

По времени эти события совпадают с третьим периодом в истории восточного христианства (X—XI вв.), сопровождавшимся активизацией миссионерской деятельности. На основании письменных источников, Н. В. Пигулевская сообщает, что именно несториане развили максимальную деятельность в области образования к неудовольствию монофизитов, с которыми соперничали на всем Ближнем Востоке³². В средневековых сочинениях сирийских авторов имеются достоверные сведения о селениях, церквях и обителях, где были школы. Назван ряд таких городов и монастырей, местонахождение которых соотносится с определенными областями Междуречья, в том числе и Мерв, и монастырь в области Мерва³³.

И конец легенды: «По прошествии долгого времени главный настоятель куда-то исчез, а остальные люди взяты в плен и уведены народом, надвигающимся

³² Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. — М.: Наука, 1979. С. 36.

³³ Там же. С. 71—82.

в то время с запада на восток». Эта фраза содержит сразу две информации: во-первых, обживание здания Таш-Рабат было относительно продолжительным (что подтверждается археологически), во-вторых, благородная миссия была внезапно прервана военными событиями, которых в истории Караханидского государства было предостаточно. Исчезновение главного настоятеля может быть объяснено его смертью и, возможно, с его могилы был взят упомянутый надгробный камень с сирийской эпитафией.

Таким образом, совпадения сведений из легенды с выводами архитектурно-археологического обследования памятника дают основание допускать ее историчность.

Структурно-функциональный анализ зданий

Для постройки здания выбрана пустынная, удаленная от средневековых поселений местность, в стороне от караванного пути в Кашгар. По В. В. Бартольд, дорога из Узгенда в «тибетские владения пролегла по долинам рек Арпа и Кара-Коюн через перевал Торугарт»³⁴. А. Н. Бернштам уточняет маршрут, проводя его по притоку реки Кара-Коюн — речке Таш-Рабат, через ущелье, мимо памятника. При этом, по его представлениям, дорога неожиданно отклоняется от прямого направления в месте слияния этих рек. Основанием для такого вывода послужило наличие здесь здания Таш-Рабат, которое А. Н. Бернштам считал караван-сараям и связывал его возникновение с торговой дорогой в Кашгар³⁵. Отмечая, что переход через перевал Акбеит и Тузбель легче и удобнее, чем через перевал Таш-Рабат, он объясняет выбор его для транзита более благоприятными местными микроклиматическими условиями, которые наблюдались им во время экспедиции 1944 г.

Такое заключение спорно, т. к. в период нашей работы на памятнике в летние месяцы в ущелье Таш-Рабат нередко выпадал снег. То же отметил и Ч. Ч. Валиханов, описывая свой переход через долину оз. Чатыр-Куль и перевал Таш-Рабат в марте 1859 г. По его

³⁴ Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья... С. 38.

³⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С. 100—102.

словам, местность была покрыта глубоким снегом, через который приходилось «пробивать путь» и подняться «на высоту рабатских гор» можно было с большим трудом из-за «снега и грязи» по которой беспрестанно скользили верблюды»³⁶. Кроме того, известно, что дорогой через перевал Таш-Рабат Ч. Ч. Валиханов воспользовался, только когда тайно покидал Кашгар (официально въезжал он в эти владения через перевал Теректы). Этот же путь избрали беженцы-дунгане в 1877 г., очевидно, в надежде на беспрепятственный проход именно здесь. Многие из них во время перехода погибли от сильного мороза и голода.

Современное Торугартское шоссе, совпадающее на всем протяжении со средневековой трассой, проходит именно через перевалы Ак-Бейит и Тузбель, то есть напрямую к перевалу Торугарт, не сворачивая в Таш-Рабатское ущелье. Таким образом, все эти сведения противоречат выводу А. Н. Бернштама о прохождении основной торговой дороги в Кашгар по ущелью Таш-Рабат, а, следовательно и выводу о появлении здания в связи с ней³⁷.

Архитектурное сооружение непосредственно связано с насущными практическими нуждами общества и в особенности господствующего класса и создается по заказу его представителей, а также часто по заказу самой государственной власти или церкви³⁸. Время же сооружения Таш-Рабата, определенное нами X—XI вв. падает на затянувшийся с III по XIII в. период, когда, как уже отмечалось вначале, роль Торугартской дороги была второстепенной, и поэтому, возникновение в этой местности капитального здания скорее всего не было связано с нуждой в придорожных сооружениях. К тому же, если бы постройка стояла на основном торговом пути и являлась караван-сараями, то в последующее время оживления караванного движения она не оста-

лась бы без ремонта. Мощность культурного слоя, в таком случае, была бы более значительной, а археологический материал — многочисленней и разнообразней. Отсюда следует, что утвердившееся мнение о Таш-Рабате как о караван-сараях или рабате (так как уже в источниках X в. рабат служит синонимом караван-сарая³⁹) не может быть принято как окончательно доказанная гипотеза.

Хотя композиция главного фасада здания и заключает характерные черты внешнего облика караван-сарая, план его не соответствует функциональным требованиям придорожных сооружений из-за отсутствия двора, необходимого для ввода и разгрузки вьючных караванов. Небольшие размеры входов, перепады уровней полов и глубинная коридорно-гребенчатая планировка помещений не позволяют разместить животных внутри здания, а отдельно стоящих построек для содержания скота на территории памятника нет. Объяснение замкнутости композиции «рабата» суровыми условиями горного климата не убедительно, так как здесь на Тянь-Шане, на реке Мана-Кельды в XI—XII вв. был построен караван-сарай по традиционной планировочной схеме с помещениями и кормушками для животных⁴⁰.

Оформлением главного фасада (угловые башни, выступающий портал с арочной нишей главного входа) Таш-Рабат, действительно, напоминает караван-сарай, но не только их. Эти атрибуты раннесредневековой крепостной архитектуры в развитии, а особенно, позднем средневековье (по отдельности или в сочетании друг с другом), украшали многие типы гражданских и культовых сооружений: замки, рабаты, мавзолеи, мечети, медресе (замок Кырк-Кыз в Термезе, IX в.; замок Кават-Кала в Хорезме, XI в.; мавзолей Аламбердера близ Керки в Туркменистане, XI в.; мечеть в некрополе Султан — Мир-Хайдар в Касби, XVI в.; хан-ка Яр-Мухаммед Аталык в Бухаре, XVI в. и другие). Исследователями уже отмечалась тесная связь рабатов и культовых сооружений ислама с архитектурой кешков и дворцов⁴¹.

³⁹ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии... С. 53.

⁴⁰ Ксжемяко П. Н. Караван-сарай на р. Мана-Кельды // Тр. ФПИ. — Фрунзе, 1968. Вып. 26. С. 53—59.

⁴¹ Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. — М.: Сов. художник, 1978. С. 59.

³⁶ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник... С. 191.

³⁷ Сомнения в правильности рассуждений А. Н. Бернштама относительно выбора места для постройки Таш-Рабата было высказано и Б. Б. Засыпкиным, который предполагал, что путь через перевал Таш-Рабат был более безопасен для посольств, избегавших неожиданностей. (СГА УзССР, ф. 2406. оп. 163. л. 141—147).

³⁸ Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса) // СА, XIX. М., 1954. С. 50.

Законом формообразования средневековой архитектуры является относительная независимость внешней и внутренней формы от утилитарного содержания. Так, портално-купольная композиция использовалась и в мавзолеях, и в мечетях, и в дарвазахане, а дворовые пространственные образования служили назначению культовых, торговых, учебных и медицинских заведений, то есть случаи разрешения различных функциональных задач в пределах единой пространственной структуры обычны в архитектуре Средней Азии⁴².

Формально-типологический анализ Таш-Рабата дает следующее: это здание фасадной композиции, многокамерное, компактное с Т-образным расчленением плана. Согласно классификации среднеазиатских пространственных структур по типам их композиции⁴³, Таш-Рабат мог выполнять и жилые, и общественные функции (жилой дом, караван-сарай, кешк) так как структура его универсальна. Однако замкнутость планировочной композиции, коридорно-гребенчатое размещение комнат больше соответствуют постройкам жилого назначения. Именно поэтому Н. Л. Зеланд и Н. Н. Пантусов считали Таш-Рабат монастырем, а Л. Ю. Маньковская рассматривает его в ряду зданий многокамерной замкнутой композиции кешка-рабата Ат-Тахмаладж (IX—X вв.) и караван-сарая на городище Куртлы (X в.)⁴⁴ (рис. 28). Но оба эти здания, в отличие от Таш-Рабата, снабжены хорошо отгороженными дворами. В кешке Ат-Тахмаладж двор, где содержался скот, находится в двух метрах от здания, в караван-сараях на городище Куртлы, двор, окруженный помещениями-худжрами, непосредственно примыкает к двухэтажному зданию гостиницы. Таким образом, предложенная интерпретация Таш-Рабата как кешка-рабата по аналогии с названными выше зданиями не совсем точна, так как археологическое изучение его территории не обнаружило никаких других строений. Тем не менее в этом определении функции Таш-Рабата важным является то, что здание приравнивается к жилью гостиничного типа, и это сравнение перек-

⁴² Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX вв.) — Ташкент: Фан, 1980. С. 101—167.

⁴³ Там же. С. 32—33. Табл. 4.

⁴⁴ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX в.) — Ташкент: Фан, 1980. С. 57, 60.

ликается с предположением ранних исследователей, рассматривающих его как монастырь. Два различных мнения приводят в итоге к одному выводу.

Планировочное здание делится на две функциональные зоны. Первая, расположенная у входа часть, построена по принципу общежития — коридорная планировка с двухсторонним расположением жилых комнат. Такая планировочная схема наряду с анфиладной и секционной применялась в многокамерном жилище: домах, замках, монастырях. Она была выявлена, например, при раскопках согдийского замка на Краснореченском городище⁴⁵, в жилом здании Чаян-тепе на берегу р. Сухандарьи, в жилом здании Аул-тепе в долине р. Кашка-Дарьи, в замке Джумалак-тепе и в угловых секциях замка Кырк-Кыз в Термезе. Принцип коридорного расчленения домов IX—XV вв. зафиксирован в Южной Туркмении и Хорезме⁴⁶.

Планировка второй, расположенной в глубине, части здания подчинена квадратному залу: помещения вокруг него являются вспомогательными. Размещение суфы в зале, устроенной по периметру стен, говорит о наличии в функции этого помещения общественного элемента — это было место сходов, возможно, совместных трапез или молитв.

Что же касается Т-образного расчленения здания, то такая схема в XI—XIII вв. применялась повсеместно в Средней Азии: например в Термезе, в замках и домах поселений Южного Казахстана, в домонгольских домах Мерва⁴⁷.

В целом Таш-Рабат, не повторяя детально планировочной схемы и пространственной разработки кешков, сосредоточил характерные для них архитектурные средства: квадратный план, фланкирующие круглые башни, глухие стены, зал и группирующиеся вокруг него помещения. По роду функций здание соответствует мусульманским таким — странноприимным домам, строящимся на пустынных дорогах, или ханака —

⁴⁵ Кожемяко П. Н. Отчет о раскопках работ на Краснореченском городище в 1962—1963 гг. // Красная речка и Бурана. — Фрунзе: Илим, 1989. С. 36—37, 66—68.

⁴⁶ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.): Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IX. — М., 1976. С. 77, 90.

⁴⁷ Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана — М., 1967. С. 102.

стационарным жилищам монастырского типа с обрядовым залом и кельями для постоянных и переменных обитателей и набором различных помещений, для которых, однако, наиболее характерна дворовая организация плана⁴⁸.

Таким образом, по ряду признаков, каковыми являются устройство худжр вдоль коридоров, низкое, отвечающее характеру жилой архитектуры положение подкупольных конструкций, множество суф в помещениях, наличие комнат с погребом, хозяйственной ямой и др., Таш-Рабат представляет собой тип стационарного жилища с общественным, возможно, обрядовым залом, хозяйственными площадями и сторожевыми помещениями у входа. Часть передних комнат при этом могла предназначаться для гостей, так как не исключено, что здание, расположенное хоть и в стороне, но на пути в Кашгар, служило кратковременным пристанищем для тех, кто предпочитал малоудобную, но видимо, менее опасную дорогу.

Само размещение Таш-Рабата в уединенной, скрытой от всеобщего обозрения местности, наводит на мысль об отшельничестве его обитателей. Защищенное со всех сторон горами, здание спрятано в извилистом ущелье так, что только при приближении к нему почти вплотную, из-за очередного поворота возникают его стены, сливающиеся с окружающим пейзажем.

Показательно и отношение к памятнику окрестного киргизского населения, известное с середины прошлого столетия и наблюдавшееся до недавнего времени. Здесь приносили в жертву баранов, а ворота здания украшали рогами архаров⁴⁹ — обычай, существующий в Средней Азии по отношению к почитаемым гробницам. По сообщению проводников Н. Л. Зеланда, в здании, якобы, находился склеп⁵⁰. Сохранившиеся на каменных кладках и остатках штукатурки на стенах мелкие пометительские надписи, исполненные карандашом и краской, относящиеся к XIX в., расценивались Ч. Ч. Валихановым как дань «уважения к зданию». По словам старожилов, здесь в 1916 году стояло жилище шейхов, построенное из древнего кирпича. Шейхи в здание ни-

⁴⁸ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии... С. 125—134.

⁴⁹ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник... С. 193.

⁵⁰ Зеланд Л. Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня...

кого не пускали, утверждая, что там живет бог, а за перегон скота по ущелью брали налог⁵¹.

Перечисленные сведения, а также факт возникновения вокруг памятника обширного могильника, свидетельствуют об отношении населения к Таш-Рабату как к культовому сооружению. Термин «рабат», составляющий название памятника, не противоречит этому, поскольку на рубеже раннего и развитого средневековья рабаты в Средней Азии были крепостями, местами отшельничества и обучения основам новой религии, убежищем для караванов⁵².

Подводя итог нашему комплексному историко-археологическому и архитектурно-искусствоведческому исследованию одного из замечательных памятников средневековой архитектуры Киргизстана, повторим основные выводы:

Каменный рабат, известный по многочисленным публикациям как караван-сарай XV в., предстает ныне в ином функциональном и историческом аспекте. Построенный на рубеже X—XI вв. в высокогорном и малодоступном ущелье Центрального Тянь-Шаня, в стороне от основной торговой трассы, Таш-Рабат представляется как стационарное жилище монастырского типа, для которого функции рабата вторичны. Его планировочная структура не соответствует назначению караван-сарая; в позднее средневековье он мог использоваться как место для кратких стоянок караванов или временное пристанище для группы путников в Южное Притяньшанье, но основное назначение Таш-Рабата было иным, о чем свидетельствуют местные предания и этнографические сведения, зафиксированные дореволюционными исследователями.

Таш-Рабат был построен пришлыми мастерами в традициях раннесредневекового зодчества Средней Азии. Функционирование постройки от ее появления до упадка происходит в течении трех-четырех столетий, однако ремонт или восстановление ее за все это время не предпринимались. Сведения ряда авторов о том, что во времена Мухаммед-хана Таш-Рабат был вновь отст-

⁵¹ Информация получена во время полевых исследований на памятнике в 1979 г.

⁵² Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества... С. 160.

роен не подтверждаются ни натурным, ни археологическим изучением памятника. Сооружение, описанное Мухаммед-Хайдером в «Тарих-и Рашиди», не идентично зданию Таш-Рабат и поиски упомянутого в рукописи памятника — дело будущих исследований.

Список сокращений

ЗВОРАО

Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества, СПб.

ЗАН

Записки (Императорской) Академии наук, СПб.

ИИАИ

Институт истории Академии наук.

ИИАК

Известия Императорской археологической Комиссии

ИЯЛИ

Институт языка, литературы и истории.

КСИА

Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК

Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МИА

Материалы и исследования по археологии СССР. М; Л.

СНРПМ

Специальная научно-реставрационная производственная мастерская.

СА

Советская археология.

ФАН

Филиал Академии наук СССР.

ФПИ

Фрунзенский политехнический институт.

ЦГА

Центральный государственный архив.

ЭВ

Эпиграфика Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Из истории изучения Таш-Рабат	3
Таш-Рабат в народной памяти	8
Рабат в рукописи Мирзы Мухаммада Хайдера «Тарих-и Рашиди»	11
АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ ЗДАНИЯ	16
Описание памятника	16
Аналогии	21
Архитектурные пропорции	29
Датировка	35
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА	39
Стратиграфия	39
Вещественный материал и его датировка	45
К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ТАШ-РАБАТА	49
Историческая ситуация	49
Из истории христианских общин Тянь-Шаня	52
Структурно-функциональный анализ зданий	59
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	67

Перегудова Светлана Яковлевна

ТАШ-РАБАТ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Редактор издательства *О. А. Абайбекова*
Оформление художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *Р. Р. Хусаинова*

ИБ № 1799

Сдано в набор 25.07.89. Подписано к печати 6.12.89. Д — 00277.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага тип № 1. Высокая печать
Школьная гарнитура. Объем 5,04 усл. п. л., 4,19 уч.-изд. л.,
5,17 усл. кр. отт. Тираж 1000 экз. Заказ 256. Цена 50 коп.

Издательство «Илим»,
720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265 а

Типография Академии наук Киргизской ССР,
720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144